18+

Ирина Перовская

Я несчастная, но счастливая

Ирина Перовская
Я несчастная, но счастливая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70609507
ISBN 9785006283947

Аннотация

Думала ли Вероника, когда уезжала с любимым парнем в Москву навстречу мечте, что там ее ожидает совершенно иная судьба? Что делать молодой девушке, в жизни которой вдруг начали появляться самые разные мужчины, но всех их, почему-то зовут одинаково. Куда, как и с кем идти? И сколько ей понадобится времени, чтобы найти ответ на такой вопрос. Или для этого ей так необходимо оказаться в Италии? Спрятаться ото всех? «Подумаешь! Если сегодня плохо, то завтра непременно будет хорошо!» – считает Вероника

Содержание

Часть 1. 10
Я ужасная, но красивая 10
Очень смелая, но трусливая 26
Я безвредная, но опасная 39
Я стеснительная, но бесстыжая 52
Очень смелая, но трусливая 65
Я холодная, но очень жгучая 82
Я стеснительная, но бесстыжая 94
Часть 2. 109
Мария 109
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Я несчастная, но счастливая

Ирина Перовская

© Ирина Перовская, 2024

ISBN 978-5-0062-8394-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда ты счастлив – это что, настолько заметно? – улыбаясь, подумала высокая и стройная молодая девушка, с красивым именем Вероника, ловя на себе заинтересованные взгляды прохожих.

Она медленно, в одиночестве бродила по итальянскому городку, без всякой цели. О какой цели может идти речь на отдыхе?! Ну и что с того, что она гуляет одна? В одиночестве есть особое преимущество – независимость! Да и день выдался замечательный – теплый и солнечный. Нынешняя итальянская осень совсем не похожа на дождливую осень в далекой Москве. Как же это здорово, оказывается – проснуться рано утром, выглянуть в окно и, не веря самой себе, попытаться осознать, что ты – в Италии!

Веронике сегодня вдруг неудержимо захотелось надеть

тонкое длинное летящее платье небесно-голубого цвета с жизнерадостным цветочным принтом. На ее голове красовалась белая шляпа из плотной ткани, с широкими волнистыми упругими полями. На ногах – новые босоножки от Valentino, которые они с Demetrio (девушка отчаянно отгоняла от себя желание назвать парня Димкой) купили вчера. И своим нарядным видом Вероника вполне гармонично вписывалась в маленький итальянский городок с его разноцветными старыми домами, в котором в это время года еще оставалось столько зелени и цветов! А еще было настолько красиво, уютно и… чуть-чуть волшебно, так, что хотелось с детским любопытством рассматривать все, что встречалось ей на пути! И запоминать до мельчайших подробностей, и сохранять в душе эти картины, а потом маленькими порциями вытягивать из своей памяти, чтобы согреваться долгими зимними вечерами этими теплыми воспоминаниями. Потом. А сейчас…

Да, она спряталась от всех сейчас, потому что запуталась в окружающих ее мужчинах, да она сейчас одна, но вот что странно – Вероника, ощущала себя почти счастливой и впитывала своими широко открытыми глазами всё, что встречала на пути. Ей даже свои стильные очки от солнца надевать не хотелось, чтобы не приглушать яркие краски дня, и она держала очки в руке, весело помахивая ими, словно дирижируя своему хорошему настроению. Милая, наивная, кокетливая! Поймав на себе восхищенный мужской взгляд

от идущего навстречу молодого симпатичного парня, и услыхав вслед от него же – «bellissimo!», Вероника улыбнулась, кивнула незнакомцу и, гордо выпрямив спину, отправилась дальше.

Да, она была сейчас очаровательна и знала об этом!

Она неспешно прогуливалась по улице и почему-то остановилась у небольшого уличного кафе. Кафе выглядело уютно. Прямо у стен старинного дома, на тротуаре под тентом стояли всего несколько столов в окружении высоких каменных ваз с вечнозелеными растениями. Столики на двоих были накрыты веселыми скатерками в красно-белую клетку, а на кованных металлических стульях лежали симпатичные подушки – так и хотелось на них присесть и отдохнуть в тени! За одним из крайних столиков уже расположились две моложавые синьоры, а из телефона, лежавшего у них на столе, лилась песня. И… она звучала на русском, представляете! Это было довольно неожиданно – услышать здесь, в маленьком городке Италии песню на родном языке, и Вероника невольно прислушалась к словам и вдруг замерла:

«Я красивая, но ужасная.
Я безвредная, но опасная.
Очень смелая, но трусливая.
Я несчастная, но счастливая…»

– пела Лолита свою проникновенную песню и Вероника всей душой вдруг окунулась в смысл этих простых слов.

И эта случайно услышанная песня перевернула все мысли и чувства в ее сердце настолько, что из глаз непроизвольно покатились слезы.

Ностальгия что ли? Или тоска по самой себе? С чего это вдруг…

Она, стараясь не привлекать к себе внимания, присела за соседний свободный столик, чтобы дослушать песню до конца и успокоить душу, но загрустила еще больше. И никак не могла успокоиться и взять себя в руки, чтобы встать и идти дальше, прогуливаться с прежним жизнерадостным настроем. На нее словно накатило оцепенение. И время, будто бы замерло, обволакивая ее.

Очнулась девушка лишь, когда к ней обратился улыбчивый парнишка официант:

– Почему такая красивая синьорина грустит? Я могу както ее развеселить? – спросил он по-итальянски с заботой и участием в голосе.

Вероника машинально ответила «Si, grazie», а заметив боковым зрением, что две дамы, слушавшие песню, поднимаются и уходят, и сама тоже хотела уйти, но вдруг решила немного себя отвлечь от собственной тоскливости. Она подняла глаза на парня, который стоял рядом в ожидании ответа, улыбнулась ему и сказала на чистейшем итальянском (хвала ее школьному преподавателю итальянского!):

– Поработайте волшебником, пожалуйста! – Составьте для меня необычный десерт – джелато с разными вкусами.

Удивите меня! – и заговорщицки подмигнула парнишке.

Паренек, блестя черными, как маслины, глазами, согласно закивал и умчался выполнять заказ. И в самом деле, ему удалось удивить Веронику, и тот десерт, что официант (чуть ли ни пританцовывая от гордости) мгновение спустя принес на подносе, заставил ее радостно улыбнуться.

А вы бы не улыбнулись, когда бы вам вдруг доставили огромную стеклянную прозрачную вазу, наполненную всевозможными по цвету и вкусу шариками мороженого?! К тому же, это десертное блюдо, которое смог бы осилить, пожалуй, только великан, а не такая хрупкая девушка как она, было еще и полито шоколадом и украшено взбитыми сливками, фруктами и хрустящими трубочками. Чудо!

Вероника, не торопясь пробовала этот шедевр итальянского искусства, наслаждалась радугой вкуса и – то улыбаясь, то хмурясь – путешествовала по волнам своей памяти, вспоминая и на миг, возвращаясь к себе – той молодой, восемнадцатилетней дурехе.

Как интересно устроен мир, – размышляла она, – когда мне было 18, мне хотелось всего и сразу. Теперь в мои 30 у меня есть почти всё необходимое для счастливой жизни, а мне ничего больше не хочется. Так странно… Неожиданно…. Как дальше жить без всяких желаний? Очень хотелось сказать «Подумаешь!» и махнуть на все проблемы рукой, но…. не получалось.

«Мне бы вдаль от земли, мне – куда облака. Я пока ещё не понимаю куда….» – так пела Лолита в услышанной ею только что песне. И Вероника тоже не понимала – куда….

Чуть позже, покидая это кафе, где работают такие замечательные сообразительные официанты, которые умеют, хоть на миг превращаться в волшебников и поднимать настроение грустным молодым синьоринам, она снова отправилась бродить по Итальянскому городку, в ожидании встречи с Деметром, хотя мыслями была сейчас далеко – не здесь, не в Италии.

С каждым своим шагом она отматывала ленту памяти назад и шептала сама себе: «Куда? Туда, где я была наивной девчонкой, легкой на подъем, неунывающей и верящей в чудесные мечты? Или…» И словно увидела себя сейчас той Вероничкой, и услышала, каким звонким голосом она рассказывает о себе – с детской непосредственностью и грустной взрослой иронией.

Часть 1.
Исповедь восемнадцатилетней наивной девочки

Я ужасная, но красивая

Ну, скажите, только честно! отчего такое бывает возможным, что одна и та же девушка в глазах огромного количества людей выглядит абсолютно по-разному, словно это не одна, а целая сотня самых разнообразных девчонок, соединенных в одно целое? Или может это они, те самые сто девчачьих особей, по очереди высовываются из меня и показывают каждый раз новые и новые лица? Ну что со мной не так?

Почему, например, когда лично тебе кажется что именно вот этот прыщик, который вдруг появился на твоем лбу, делает тебя страшной и уродливой, и ты стыдливо прячешь его под челкой и смущенно опускаешь голову при встрече с парнями, а они этот «страшный изъян» вовсе не видят? Почему они в данный момент видят только твои голые коленки или грудь, обтянутую майкой и им глубоко безразличен этот твой ужасный красный прыщ. Ты этим парням кажешься красоткой, согласно их личным критериям оценки.

Или, наоборот, ты думаешь, что вся из себя красавица – с чистыми блестящими волосами и густыми накрашенными ресницами! Ты одета в новую маечку с ярким принтом, и в короткие джинсовые шортики. И нравишься себе до безумия…, но вдруг слышишь от своей собственной мамочки такую фразу:

– Ну-ка перестань трясти тут перед нами своими уродливыми голыми ногами.

И ты в таком легком недоумении, (а если честно, то прямо-таки в шоке), спрашиваешь ее растерянно:

– Мам, но сейчас ведь лето, все девчонки так ходят. Когда еще мне шорты носить, зимой что ли? Чего ты?

– Девушка должна выглядеть скромно. Надень платье, немедленно, спрячь свое уродство! – рычит мама в ответ, краснея лицом.

И как понять вот такое несовпадение в ощущениях самой себя с мнением окружающих, которое постоянно происходит со мной, особенно в последнюю пару лет? Причем раньше, в детстве, я помню, что моей маме очень даже нравились мои ровненькие ножки, и она ими восхищалась. А теперь? Непостижимо….

Ладно, не буду пока отвлекаться на это!

Давайте познакомимся и я расскажу вам о себе, а вы, может быть, что-то умное мне посоветуете и подскажете – как мне найти саму себя среди той сотни женских сущностей,

что сидят во мне! Договорились?! Итак —

Я – Вероника, мне 18 лет и я, наконец-то, окончила нашу среднюю районную школу и, имея на руках бумажный аттестат об образовании и электронное свидетельство о результатах ЕГЭ, сижу сейчас дома, на диване, и никуда не собираюсь поступать. Ни в институт, ни в техникум, и даже ни на какую работу. И я вовсе не тупица, и не лентяйка, и не бездельница, вы не думайте. Я просто жду! Чего? Сейчас все расскажу и все объясню, по порядку.

Дело в том, что почти в конце десятого класса, ранней весной я влюбилась, в Сережку. Так влюбилась, ну хоть плачь. И я, в самом деле, плакала и рыдала, как не знаю, кто… Обычно говорят, «ревет, как белуга», но я не знаю, как именно плачет эта самая белуга, поэтому я просто скулила. А все потому, что этот мой объект любви и обожания, ставший моим первым собственным парнем, отправился в армию. И вся моя любовь к нему продолжалась всего-то один месяц, прямиком между моим окончанием учебного года и проводами Сергея в ряды вооруженных сил нашей необъятной и великой. Ну как тут не реветь от обиды, когда все самое интересное с ним, только началось, и было в самом разгаре? И его волнующие поцелуи, и ласковые обнимашки, и наивные признания в любви…. Мама недовольно шипела и говорила о нем, что он «плохой мальчик». Не знаю, кому как, а для меня он был самым-самым. Эх…. Ну, вы меня понимаете. И весь последующий год я страдала от того что он там –

в своей армии, а я тут – в школе….

Я училась в школе, заканчивала одиннадцатый класс и честно ждала своего героя, который вот-вот должен был тоже закончить свою службу и вернуться домой в середине лета. И даже целый год не обращала внимания на все эти подкаты моих мальчишек-одноклассников – мне они были безразличны. Я даже на мамины слова не обижалась, когда она бурчала недовольно: «Медом что ли намазана? Отбоя от парней нет». Ну, нравлюсь я кому-то, что с того? У меня свой парень уже есть! Сергей меня попросил никуда без него даже не пытаться поступать и никуда не уезжать. Он приедет, и мы с ним все вместе решим. Вот такой приказ я от него получила буквально перед своим выпускным, представляете?! Ну, вот так он мне сказал-приказал по телефону, когда поздравлял меня с окончанием школы и велел сидеть и ждать его приезда. И знаете, в чем фишка – мне, такой своевольной и самостоятельной девчонке, вдруг так понравилось быть послушной! Ммм…. Вот я и ждала!

А пока наслаждалась счастливым ничегонеделанием, радовалась отсутствию надоевшей учебы и улыбалась всему, что видела. Хотя, что там я могла видеть в том месте, где я сейчас находилась…

Я ещё вам не сказала, что живу-то я в небольшом поселке городского типа. Ага, типа – «городского»! И этот поселок родился из бывшего небольшого хуторка, которому посчастливилось в свое время расположиться в живописном

месте Кубани, где из всех достопримечательностей главными являются старое здание администрации, школа, библиотека (она же клуб), медпункт и пара магазинов. Круто, правда?!

Ну а рядом с поселком, у реки, предприимчивые «дяди» построили современные ангары, в которых разместился частный консервный мини завод по переработке овощей и фруктов. И почти все жители нашего небольшого поселка трудятся на этом заводике на благо его хозяевам, для их процветания и преумножения собственных финансовых возможностей. Чего нельзя сказать о простых рядовых работниках, жителях нашего бывшего хутора. Но, как вы понимаете другого выхода у тех, кто там работал, не было. Выбор на рынке труда в нашем районе оказался весьма ограниченным – либо ферма, либо фермерские частные поля и сады, что окружали наш поселок со всех сторон, либо этот завод. Куда ни глянь – все частное – капитализм в чистом виде! А до ближайшего города сто километров – туда работать не наездишься, хотя некоторые и ездили, но таких было мало. Вот так все и жили в нашем поселке – получали копейки и думали, что только так и нужно и можно жить. Днем работали, а вечерами закрывались в своих домишках, и …пили. Зачем? Настроение что ли себе так поднимали? Не знаю.

Но я, конечно же, ни за какие деньги не собиралась оставаться в этом месте и работать на этом заводе. И вот так, безынтересно жить. Нет уж, нет уж!

И я с нетерпением ждала Сережку и того решения, кото-

рое он примет за нас. И я верила, что решение он придумает обязательно то, которое мне понравится. И я искренне надеялась, что мы с ним вместе отправимся куда-нибудь подальше из нашей глухомани, станем студентами, получим образование, ну и все остальное у нас с ним тоже станет чудесным и замечательным. Я даже боялась вслух мечтать, чтоб не сглазить свое счастье!

И пока ждала свою любовь из армии, от скуки занималась цветником в нашем маленьком дворике. Ну, нравилось мне это дело – цветы! У меня их столько росло – не счесть, но я знала имя каждому цветочку! И знала, что любит каждый из них. И я с удовольствием рыхлила им землю, поливала их и удобряла. Мама даже говорила, что у меня легкая рука! Не знаю, может и так, но вот то, что мои цветы росли дружно и замечательно – это было видно всем! И букеты, составленные мною, тоже нравились…, правда, некоторым.

Да, буду честной, не все из моих приятелей нашего дремучего поселка понимали смысл моих рукотворных шедевров. Когда я являлась к друзьям на дни рождения со своими собственноручно изготовленными букетами, то многие никак не могли понять эту мою креативность и мой дизайнерский подход, который я использовала в своем подарке.

Даже подружка Люська снисходительно улыбалась, когда я подарила ей прозрачную чашку, в которую красиво замаскировала флористическую губку и уже в нее навтыкала самых несочетаемых растений – розу, колючий репейник, де-

кoративную траву и колоски злаков. И еще красное сердечко на тонкой проволочке красиво разместила среди этой икебаны. На мой взгляд, очень красивая композиция получилась! А подруга чуть ли не пальцем у виска крутила. Не поняла меня…. Ну, не объяснять же ей что эта инсталляция изображала в моем представлении символ ранимости любви. Эх, темнота поселковая….

Представляю, что бы мои приятели обо мне подумали, если бы я им еще и призналась, что иногда разговариваю со своими цветами и даже пою им! Ха! Но это я оставлю при себе, не буду никого шокировать!

Ну что еще рассказать вам о себе?

Да, забыла вас предупредить, чтобы вы не вздумали меня жалеть. Я не собираюсь вам ныть, жаловаться и плакаться. Вовсе нет! Я просто хочу рассказать вам о себе. Просто рассказать. А вы – просто слушайте. Ну и готовьте свои умные советы, хорошо?!

Я – обычная молодая девушка, не лучше и не хуже других. Высокая, худая, с глазами, губами, носом – как у всех. Ничего выдающегося. Даже грудь обычная. Выдающимися и длинными были только мои густые темно-русые волосы и стройные ровненькие ножки (и чего они маме не нравились?). Все остальное самое что ни на есть среднее. Но вот что странно – окончив школу, тоже со средними показателями знаний, о чем свидетельствовал мой аттестат (хотя с математикой, биологией и русским дела у меня обстояли от-

личные!), я лично не считала себя средненькой и серенькой.

Я ощущала настолько сильную жажду и любовь к самой жизни, ко всему новому, красивому, прогрессивному, что сдерживала себя из последних сил от осознания, что я – особенная! Ну, случайно я оказалась в этом забытом цивилизацией месте, по ошибке!

Ух, как же мне хотелось поскорее уехать из окружающей меня серости и рутинного болота тупой скучной повседневности в ту жизнь, где и солнце ярче, и люди интереснее, и возможностей миллион! Туда, где я раскроюсь по-новому! Во мне просто всеми цветами радуги переливалось желание раскрасить окружающую меня серую действительность в цвета счастья. Я мечтала учиться, я грезила о большом городе, о Москве, но…. Тс-с! – это мой секрет! И я никому еще о нем не рассказывала. Вам повезло – вы узнали первыми!

Но это пока в моих перспективных планах и мечтах!

Ну ладно, помечтала и успокоилась, а пока вернемся ко дню сегодняшнему и к маминому приказу – не трясти своими ужасно уродливыми ногами.

Так вот, так и не поняв окончательно после маминых слов – какая я на самом деле – красивая или ужасная, я, пожав плечами, просто скрылась из зоны ее видимости и отправилась к подруге Люське, чтобы предоставить мамочке возможность успокоиться в мое отсутствие. Потому что своим видом я, наверное, ее, в самом деле, очень раздражала, а может даже бесила. И причина тут была самая тривиаль-

ная – у моей мамочки вот уже больше года назад как появился новый муж. Молодой мужик – Валентин…, Валя, парень тридцати лет. Мама тоже была не старушкой, она была вполне симпатичной блондинкой, ей недавно исполнилось всего тридцать семь, но мне-то в апреле стукнуло уже восемнадцать, так что… сами понимаете! Как нам жить втроем под одной крышей в нашем маленьком и тесном домике? Бежать мне нужно было из дома и чем скорее, тем лучше! А все потому, что этот маменькин муж, то есть мой, как бы папенька – отчим, Валентин Владимирович (чтоб его), начал проявлять ко мне повышенное внимание. Но о Валентине чуть позже.

Давайте я вам еще о своей школе пока расскажу.

В нашей поселковой единственной школе учили так себе, средне, но вот что интересно – в эту маленькую школу семь лет назад приехала молодая амбициозная выпускница Кубанского университета, чтобы учить местных ребятишек иностранному языку и не какому-то там немецкому или английскому, а итальянскому, представляете? Во как! Взрыв мозга! Чего ее занесло в нашу глухомань, непонятно, но вот такие видимо случаются у людей порывы потрясающего альтруизма!

И на школьном собрании нам, пятиклашкам, предложили выбрать самостоятельно – какой язык каждый из нас хотел бы учить. Хотя, честно говоря, родители наши тогда имели над нами, школярами свою всесильную власть и нико-

му из нашего класса не разрешили изучать этот странный и никому не нужный язык, и все мои одноклассники ушли на английский, который преподавала старенькая глуховатая пенсионерка. А я, единственная из девочек согласилась, да и маме моей, честно говоря, было все равно, что там я учу в школе. Ей не до меня в то время было – она весьма активно устраивала свою одинокую женскую жизнь.

Знаете, мое детство можно даже назвать счастливым – мама не мешала мне быть самостоятельной, а я не мешала маме жить так, как хотелось ей. Так что, в результате моей самостоятельности, в классе на уроке итальянского из девчонок сидела только я, ну и со мной два мальчика за компанию, которые были наверняка тайно в меня влюблены, потому что всячески норовили меня задеть – то за косу дернуть, то тетрадки испортить, то портфель спрятать. Привлекали к себе мое внимание, как могли. Вот и на итальянский урок тоже пришли, чтобы продолжать общаться со мной. И вдруг, остались до конца обучения!

И надо вам сказать, что никто из нас троих об этом решении – заниматься итальянским – не пожалел. Ух, как же нам было весело на этих уроках! Учитель – Альбина Викторовна – была словно настоящий журчащий родник с кипучей энергией – мы и песни с ней пели, и стихи заучивали и грамматику осваивали в виде игры. Она столько нам рассказала об истории этой самой Италии, что куда там нашему старенькому учителю-историку с его скучными уроками

и монотонным бормочущим голосом.

Короче, так или иначе, к концу школы мы втроем могли преспокойно общаться на этом певучем языке, понимать его, слушать песни на итальянском, а я так даже читала без словаря – хоть в переводчики иди! Вот такие во мне оказались скрытые и довольно необычные и редкие для нашего поселка таланты! И я даже немножко помечтала, что когда-нибудь поеду в Италию и, как там меня примут за итальянку! Ну да это все были детские глупые мечты, как вы понимаете, и совершенно неисполнимые. Где я, и где Италия, а?!

Ну а теперь вернемся к моему отчиму. Как я уже говорила, он незаметно от мамы, оказывал мне всяческое внимание – то в комнату, где я уроки делала, зайдет, якобы «по-отцовски» проверить как там я домашнее задание выполняю. То руки мои потрогает, проверяя мышцы и, «по-отечески» советуя заняться аэробикой. Даже предлагал совместно с ним позаниматься под музыку. Он, видите ли, на магнитофон себе много разных упражнений записал, позволяющих улучшить форму тела. Вот нафига мне его советы? Я и без него знала, как свое тощее тело довести до совершенства, но он все равно настойчиво лез с рекомендациями. Папочка нашелся! У меня никогда не было отца, даже фотографии его не сохранилось, и мама ничего мне о нем не рассказывала, я росла без всякого мужского воспитания и вдруг нате вам – забота такая.

Я со зла даже маме как-то на него пожаловалась и…

неожиданно выхватила уже от нее. Как она меня ругала и стыдила, вам не передать – и наглая я оказывается, и бесстыжая, и лгунья. В общем, я в ее глазах выглядела как «полный отстой», чуть ли не девица легкого поведения, которая только спит и видит, как совратить взрослого мужчину. Ну, ужас что за девочка! И это она обо мне – такой правильной и честной?! Вот мне обидно было – вы не представляете…. Думала, не прощу ее никогда за такие слова. А потом поразмышляла и поняла – приревновала. Ревнует, блин она своего Валька, вот реально ревнует! Глупая мама. Неужели не понимает, что он же старый для меня, он мне до лампочки и глубоко параллелен? И я сразу же простила свою бедную мамочку. И даже пожалела немного.

Вот только никогда больше ничего ей не рассказывала. От слова «совсем»! Ни о себе, ни о ненаглядном ее Валечке. Но с ним держала себя настороже и не позволяла к себе даже на метр приближаться, чем злила того до зубовного скрежета, но он ничего не мог поделать, видимо маму все-таки побаивался, ну или может, любил, кто их разберет этих взрослых? Тут мне бы со своей любовью разобраться – думала я, отчаянно скучая по Сережке и считая дни до его дембеля.

Короче, в нашем доме стало тихо-мирно, и никто больше не ссорился и ко мне не лез с советами. И я отвлеклась от Валентина, успокоилась. И расслабилась, тундра наивная, потеряла бдительность.

На дворе лето в самом разгаре, уже июль подходил к кон-

цу, тепло, светло, вкусно! Родители работают; вокруг птицы поют, и гнезда на деревьях вьют; пчелы гудят над цветами – все при деле, одна я бездельничаю. Стыдно мне немного стало, что я на диване с книжкой лежу или в телефоне путешествую. Ну как, стыдно? Так, самую капельку неудобно стало! Но этого хватило, чтобы поднять меня с дивана – и затеять во всем доме уборку!

Я решила порадовать своих молодых влюбленных «родителей», чтобы те не тратили свое драгоценное время после работы на все эти бытовые проблемы, типа готовки и уборки. В доме никого – красота, никто не помешает творить добрые дела в неожиданном порыве хозяйственности и альтруизма! Кто молодец? Я – молодец!

Я, нацепив на себя всё те же шортики с маечкой (пока никто не видит), завязала волосы резинкой в тугой пучок на макушке, чтобы не мешали, вдела в уши наушники и, подпевая нестареющему Челентано, принялась пылесосить, а затем протирать пыль и раскладывать вещи и предметы по местам. Сама себя зауважала в конце уборки, так увлеклась, что никого не видела и не слышала, кроме того, что лилось в уши:

– Susanna, Susanna, Susanna, Susanna mon amour, – выводила я в полный голос и радостно скакала по комнате, выплясывая и дурачась, и неожиданно ощутила, как две потные сильные ладони обхватили сзади мое худое неспортивное тело. У меня чуть сердце от страха не остановилось, и я

резко повернулась, посмотреть – кто это и чего это он так? И замерла от неожиданности – повернувшись, я оказалась в объятиях… Валентина, своего «папочки», представляете?! Я даже сказать в первый миг ничего не успела, лишь удивленно рассматривала его лицо, которое оказалось так близко от моих глаз.

Валентин изменился до неузнаваемости – вместо его былых густых усов у него над верхней губой была лишь тоненькая ниточка-полосочка коротких волос. (Он чем-то смахивал на молодого Остапа Бендера в роли Андрея Миронова, я смотрела как-то раз этот фильм по телевизору). Но когда я увидела его гладко зачесанные назад волосы, то поняла под кого решил косить мой отчим – под итальянского мачо!

Вот это да! – пронеслось в моей голове. – Синьор Валентино!

И я невольно разулыбалась, сдерживая себя изо всех сил, чтобы не расхохотаться в голос от комичности внешнего вида этого взрослого, но глупо выглядевшего сейчас парня. А этот «мачо» возомнил себе, что я им восхищена и, приняв мою улыбку, как поощрение к действию, потянулся своим ртом к моим губам. Вот тут-то мне стало не до смеха!

Я, высвобождаясь из его рук, вытащила наушники из ушей и начала его отталкивать, но он наоборот, порывался меня обнять и все сильнее прижать к себе. И вдруг заговорил ласково и жеманно:

– Говоришь, что тебе нравится все итальянское? И музы-

ка и мужчины? Может и я тебе их сейчас напомнил? Ну, так давай поиграем в Италию, красивая девочка! – и начал целовать мою шею, лицо, норовя дотянуться до губ.

Вот это был ужас так ужас! Не передать вам словами мои ощущения. И возникшее отвращение к нему. А он даже глаза закрыл от удовольствия. И это все молча, как в кошмарном сне.

Не знаю, что мне взбрело в голову – то ли инстинкт самосохранения сработал, то ли сто раз просмотренные фильмы с такими эпизодами насилия, но я чисто интуитивно подняла согнутую ногу в колене и заехала этому «мачо» прямо в…. Ну вы в курсе – куда! Тоже ведь фильмы подобные смотрели?! В общем, картина, которую могла лицезреть моя дорогая и любимая мамочка, так «вовремя» вошедшая в комнату, была самая что ни на есть натуральная:

Её доченька в самом непотребном и расхристанном виде, «почти голая» стоит посреди комнаты, соблазняя ее мужа. И этот ее любимый муженек кружит перед дочуркой, согнувшись пополам, приседая и скуля от боли. Он – разумеется, красота неописуемая и сама невинность, а я – жуть ужасная и развратная. Как вам такой натюрморт?

Сколько было визгу и криков – не передать. Не хочу вас пугать своими подробными рассказами. Скажу лишь, что мама подлетела ко мне, залепила мне пощечину, затем подхватила Валюшу под руки и потащила на диван, обнимая и утешая. А мне, обернувшись, зло крикнула:

– И чего тут стоишь, чего забыла? Лети к своему Сереге, раз взрослая такая стала. Он там из армии вернулся, видела его только что. И домой можешь не торопиться!

Ну, вот как расценивать ее слова? То ли приказала, то ли благословила. Обалдеть. Но, так или иначе, выбора у меня не было – я как стояла, так и рванула из дому, в чем была, машинально держась за щеку, которая ныла от боли и очень быстро становилась красной.

Красное – значит красивое – пыталась я шутить сама с собой, нервно глотая слезы и уговаривая себя, что после всего случившегося сегодня в родном доме мне, вот такой – для кого ужасной, а для кого красивой – в самом деле, больше оставаться не зачем.

Очень смелая, но трусливая

Все женщины молоды, но некоторые из них моложе других, и это не всегда Perfetto – молоточком стучала в моей голове прочитанная где-то фраза (ее я по привычке дополнила итальянскими словами), пока я никого и ничего не замечая, неслась на соседнюю улицу. Я была страшно обижена на маму и неуверенна в себе, но уговаривала себя не трусить и не ныть. И даже пыталась иронизировать, что молодость и юность не вечны, и что я тоже когда-то превращусь в старую почти сорокалетнюю тетку и тоже возможно буду кого-то отчаянно ревновать. «Но ведь не к собственной же дочери», – отвечало мне мое сердце.

В таком ужасном раздрае, разобранная на запчасти, я смело и отчаянно ворвалась во двор того дома, где жил мой Сережа, тот, кого я год назад провожала в армию и которого честно и терпеливо ждала все это время. Ворвалась и затормозила в страхе – а с чего это я так лечу? А вдруг моя мамочка пошутила и он не приехал, и никакого Сергея я здесь не найду, а своим видом перепугаю сейчас насмерть его маму? Ого, представляю себе ее реакцию, если она меня увидит – стоит посреди двора этакая дылда, в короткой майке и шортах, едва прикрывающих попу, да еще и с пылающей щекой, цвета красного знамени! Да уж, еще та картина маслом.

И я в страхе попятилась назад, чтобы уйти никем не замеченной, но вдруг… входная дверь распахнулась, и из нее вышел…. Кто бы вы думали? Правильно – он самый, мой Сережка, в солдатской форме, которая ему необычайно шла!

Вот тут-то все мои страхи разлетелись на маленькие осколки – я подпрыгнула и взвизгнула, словно вождь краснокожих (тем более с такой-то щекой, как моя!), и рванула к нему, и повисла у него на шее. А он, смеясь, закружил меня вокруг себя, а потом поставил на ноги и поцеловал! Ух, как же он меня поцеловал! Ммм….. А потом отстранил, удерживая двумя руками за плечи и внимательно рассматривая, выдохнул с восхищением:

– Вероничка-аа! Какая ты стала! Какая классная! Какая красивая!

С этого момента, после вот этих его волшебных слов, он стал самым главным человеком в моей жизни. И мне уже не нужно было думать и размышлять – что и как там я планировала и о чем мечтала. Теперь, я буду делать только то, что скажет или прикажет именно он! Мой Сергей! Вот так! Решение мною принято и возврату и обмену не подлежит!

Счастье самый лучший косметолог, так все говорят, и я реально ощутила, что становлюсь ужасно красивой! Как ни смешно звучат эти два слова вместе – «ужасно и красиво»! Вы не поверите, но мои глаза, словно стали больше и ярче, губы стали такими же красными, как моя левая щека, даже грудь выросла, наверное, на целый размер (ну это я конечно

нафантазировала!)! А если серьезно, то мне, в самом деле, стало легко и радостно на душе и в объятиях самого лучшего парня на свете!

Он утащил меня за руку в беседку рядом с домом, и там мы, продолжая обниматься, сели на лавку и долго-долго рассказывали друг другу о том, как жили в то время, когда находились в разлуке. Ну и целовались, конечно! Он был моим героем, словно вернувшийся с войны солдат. И я так им гордилась! А он смотрел на меня как на богиню, как на принцессу, и я немедленно становилась именно такой – даже без бального платья и даже сидя не на облаке, а на обычной деревянной скамейке под старым навесом, свитым из виноградной лозы.

Я совершенно не задумывалась о том, как я выгляжу! Я смотрела только на Сергея и видела его красивое мужественное лицо, его лучистые глаза, гладила его голову с короткой стрижкой и прижималась к его крепким широким плечам. Красота и сила, надежность, защищенность – вот что я испытывала в тот миг. И страстно желала, чтобы этот миг превратился в вечность. Я вся была такая романтичная, такая впечатлительная, что хоть бери и пиши любовный роман – столько во мне плескалось самых разных чувств….

Но, как, оказалось, было не до написания романа, все хорошее рано или поздно заканчивается – и пришла его мама, тетя Тая, и принялась охать и ахать, и плакать, и смеяться – в общем сплошной неадекват. Чего плакать, ведь он же вер-

нулся домой, живой и здоровый, значит радоваться нужно, а она в слезы! Но тетя Тая женщина волевая, она тут же взяла себя в руки и строго нам скомандовала – отложить свои обнимашки до вечера, потому что сейчас, видите ли, у нее к сыну масса своих вопросов – вот таким «изящным» способом она дала мне понять, чтобы я шла к себе домой. Я девушка сообразительная, мне два раза повторять не нужно и я гордо удалилась, оставляя их вдвоем.

Смущенный Сергей проводил меня до калитки и шепнул мне на ухо, что вечером мы обязательно увидимся и обо всем договорим. И я уже более радостная и успокоенная улетела на крыльях любви к своей подружке, чтобы разделить с ней свою радость! Ну не к себе же домой мне было идти, там-то мне уж точно были не рады и мою радость не поняли бы и не приняли. И мою качественную уборку не оценили, или вовсе не заметили. А я ведь так старалась…

Подруга терпеливо меня выслушала, сопровождая мой рассказ уместными ахами и охами, за что я была ей искренне благодарна! Мы даже всплакнули с ней от полноты чувств и, прогоняя тоску, даже с аппетитом умяли по огромному бутерброду и запили его чашками сладкого растворимого кофе. Потом покурили, спрятавшись за домом, еще раз пожаловались друг другу на своих странных мамочек и, глядя друг на друга, вдруг… рассмеялись! Ну, да, а чего расстраиваться? Родители и раньше к нам цеплялись со своими претензиями, так что не стоит париться и в этот раз. Пережи-

вем – решили мы и распрощались.

Пообщавшись с Люськой, и зарядившись от нее восторгом от приезда Сергея и ее пониманием той ситуации, что возникла у меня дома, я совершенно успокоилась и пришла в себя.

И чего, в самом деле, я впечатляюсь? Ну да, взрослая жизнь она такая – то черная полоса, то белая, а то, и вовсе бездорожье, нужно с этим смириться и воспринимать тоже по-взрослому. А то, что я уже стала именно взрослой, я поняла именно сегодня, тесно пообщавшись с двумя разными мужчинами, причем в глазах каждого из них я была красивой! Неожиданное понимание ситуации!

Вот такой уверенной в себе красивой девушкой и «смелой» до дрожи в коленках, я поздно вечером возвратилась домой. Ни слова не говоря своим воркующим на диване «родителям», я прошла в нашу крохотную ванную, вымыла волосы, высушила их, затем накрасилась, переоделась в платье (как хотелось мамочке) и, буркнув в пространство комнаты, что ухожу гулять, прихватив сумочку с телефоном, выпорхнула на свободу!

Было то самое время, когда день уже закончился, но ночь еще не наступила. Мое любимое время! Если прищурить глаза, то казалось, что и дома, и деревья, и даже небо были словно окутаны легкой дымкой мягкого серого света наступивших сумерек. И это было красиво! Или просто в этот вечер мне всё-превсё нравилось? Даже поселок, изученный

мною до мелочей и исхоженный вдоль и поперек тысячу раз, выглядел по-новому и казался приятным. Если бы я могла, я бы написала вот такую картину, но рисовать я не умела, поэтому просто сохранила, то, что видела – в памяти своей головы.

Сергей встретил меня возле своего дома. Он уже освоился после возвращения из армии, сменил свою армейскую одежду, переоделся в привычные джинсы и майку и стал мне еще ближе и понятнее. Возле ворот дома стоял его старый мотоцикл, на котором мы с ним раньше летали по окрестностям нашего поселка в тот единственный месяц нашей дружбы и любви, до его службы. И сейчас парень, блестя глазами, снова показал мне на этого железного монстра, взял меня за руку и, подведя к нему, прохрипел:

– Как хорошо, что ты сама пришла! Я уже хотел за тобой ехать. Прокатимся?

– Да, конечно! – согласно мурлыкнула я ему, и Сергей протянул мне второй шлем.

А что, разве я могла отказаться? Я ведь сегодня приняла решение всегда и во всем слушать своего парня. Поэтому, затолкала поглубже в свое сердце, маленькое разочарование от того, что зря я нарядилась в это дурацкое платье и что мы никуда не пойдем с ним гулять, а просто будем носиться на бешеной скорости по пыльным дорогам полей и лесополос. Ну и что? Зато мы будем с ним вдвоем, мысленно порадовала я себя, и уверенно надела этот смешной шлем на го-

лову, а Сергей осторожно застегнул мне ремешок под подбородком, и поцеловал меня коротко, и помог усесться на сидении мотоцикла. Приятно, когда заботятся!

Когда мы отъехали от его дома и свернули на трассу, я, обхватив его тело двумя руками, прижалась к его сильной и крепкой спине и успокоилась! Все мои разочарования, возникшие только что, рассеялись, как дым от сигареты – мне было хорошо и даже весело! И ветер бил в лицо, и свет фар выхватывал дорогу перед нами, позволяя мечтать о неведомом счастливом будущем, что ждет нас с ним впереди! Было так хорошо, что хотелось петь и орать от счастья, что я и сделала немедленно – именно кричала слова восторга и на русском и на итальянском. А Сергей хохотал и тоже что-то кричал мне в ответ, но я почти не слышала! Шлем закрывал уши, да и мотоцикл ревел, как зверь.

Куда мы едем – такой вопрос в моей голове не возникал. Мы просто ехали туда, куда устремлял свой транспорт мой парень, а я ему подчинялась. Красота, когда кто-то принимает за тебя решения, правда?! Совершенно не нужно напрягать свою голову!

Вскоре Сергей направил мотоцикл к съезду с трассы, в сторону от дороги, и мы остановились у небольшого озерца, берега которого поросли ивняком. Когда мой парень заглушил двигатель, нас окутала такая звенящая и уютная тишина позднего вечера, что мы не сразу даже начали с ним говорить, а просто молча, стояли, обнявшись и тесно при-

жавшись, друг к другу, слушая эту самую тишину.

Сергей нехотя разжал руки и, покопавшись в маленьком багажнике мотоцикла, достал оттуда небольшой плед и бутылку шампанского с двумя пластиковыми стаканчиками.

– Ого! – захлопала я в ладоши, – нас ждет романтический ужин на двоих?!

Он согласно кивнул, расстелил свой плед прямо на траву, почти у самой воды и махнул мне рукой, приглашая сесть. Вы не представляете, как это, оказывается, замечательно сидеть вот так вдвоем, в темноте теплой летней ночи, у озера, а вокруг ни души, одни лягушки лениво квакают да откуда-то издалека, от трассы доносится шум автомобилей. Уединение. Долгожданное!

Сергей уверенно открыл бутылку и, хлопнув пробкой, налил вино в два пластиковых стакана и, поднимая свой навстречу мне, торжественно произнес:

– Знаешь, Вероничка, как я мечтал вот о таком моменте?! Я все время представлял, как вернусь домой и как мы останемся с тобой наедине. И будет ночь, и шампанское. И только мы вдвоем – ты и я! За нас!

– За нас! – радостно откликнулась я, чуть не плача от счастья и смело выпила свое шампанское до дна. А Серега тут же налил по новой и просто пил, молча глядя перед собой и притянув меня к себе одной рукой. Я тоже медленно отпивала по глотку, прижавшись к его плечу и наслаждаясь моментом.

А затем Сергей налил по третьему разу и, глядя мне в глаза, серьезно спросил:

– Ждала меня?

– Конечно! – согласно закивала я головой. – Еще как ждала, дни считала! – глупо улыбалась ему я, чувствуя себя на седьмом небе от гордости за себя, такую верную.

Пузырьки от вина устроили радостный хоровод в моем организме и переместились в голову, наполняя ее воздухом свободы и ощущением безбашенности. От шампанского мне стало легко и весело. Я представляла, как мы с Сергеем завтра отправимся гулять по поселку, а может, даже выберемся на автобусе в город и будем там прогуливаться по улицам и скверам. И все будут на нас смотреть и завидовать мне, за то, что у меня такой красивый и взрослый решительный парень.

Я так размечталась, что не заметила как этот взрослый и решительный, от обнимашек перешел к поцелуям, отчего моя голова закружилась еще сильнее, а мое глупое сердце застучало громче, чем пели в камышах глупые лягушки. Я закрыла глаза и провалилась в радостные эмоции и мужские объятия, которые становились все крепче. Когда я открыла глаза, то увидела над собой яркие звезды, которые мигали, и сверкали, и слепили, и кружили мне голову так, что я невольно поддалась Сергею, когда он потянул меня прилечь на этот расстеленный маленький уютный плед, который мне представлялся сейчас словно плот в океане. Этот плот,

как живой, качался и убаюкивал и усыплял меня и мою бдительность настолько, что я даже послушно разрешила парню снять с меня платье. А Сергей, нашептывая ласковые слова и не переставая целовать, был дерзок и смел, но мне было абсолютно не страшно – я ведь вам уже говорила, что приняла решение слушаться и подчиняться ему во всем, вот я и не сопротивлялась, и, не споря, позволила ему самому принимать свои мужские решения. Очнулась я лишь от резкой боли и даже вскрикнула, и пузырьки тотчас исчезли из моей головы, и я даже пыталась оттолкнуть Сергея, посмевшего причинить мне боль, но он лишь продолжал меня крепко стискивать и целовать и шептать по ходу: «Девочка, моя девочка, мой малыш….» Это конечно было ужасно приятно и даже может быть и хорошо, если бы то, что происходило с моим телом, не было таким болезненным от того, что Сергей находился внутри меня. Но вскоре все его движения закончилось, и я вздохнула с облегчением.

Мы лежали рядом, крепко обнимая друг друга. Сергей что-то продолжал мне говорить, успокаивая и, одновременно, благодаря, а я испытывала странное чувство разочарования. Вот это ощущение явилось для меня полной неожиданностью…. Я-то, наивная девчонка, начитавшись и наслушавшись всего, что касалось первого раза близости между парнем и девушкой, ожидала совсем других эмоций и впечатлений. И немного растерялась, от таких мыслей и даже не сразу поняла, о чем меня спрашивает Сергей. А он, оказывается,

делился со мной своими планами на ближайшее будущее:

– Ты молодец, что дождалась меня. Спасибо! Я хочу предложить тебе одну вещь, ты подумай и дай ответ, согласна или нет, хорошо?

А вот тут я замерла от восторга – он меня замуж, что ли зовет?! Ого, как круто, я даже не ожидала, что это так быстро случится! Да, конечно да! – хотела, не раздумывая, выдать ему я свое согласие, как внезапно остановила свои порывы, потому что Сергей продолжил говорить:

– Короче, я решил ехать в Москву. Что тут делать в нашем колхозе? А в Москве и возможности и деньги совсем другие. – Он закинул руку за голову и мечтательно устремил взгляд в звездное небо и словно говорил сам с собой: – У меня кореш в армии был, он сам из подмосковного города Видное. Так вот, у него там, в Видном, есть своя собственная квартира. И он меня звал к себе. Сам-то он после службы решил попутешествовать годик, бабки у него есть, от родительского наследства осталось что-то, вот он и освобождает свою квартиру, предлагая мне в ней пожить бесплатно. Если ты согласна, то поехали со мной. Попробуем жить там, а работу в Москве найдем, заработаем, поднимемся, жилье себе сообразим. Ты как? – он повернул голову в мою сторону, и уставился мне в глаза, словно внезапно вспомнил о том, что я рядом с ним лежу, совершенно голая и дрожу от холода и разочарования.

Да, его слова меня разочаровали…. Ужасно…. Совсем

не таких слов я хотела бы услышать от него после нашей первой ночи, но видимо я была слишком романтичной барышней, а взрослая реальная жизнь она несколько суровее. Я внезапно протрезвела, и волшебные пузырьки покинули мою глупую голову.

Ну что ж, я всегда самостоятельно принимала решения, поэтому и сейчас добровольно шагнула во взрослую жизнь и нужно не расслабляться и не пугаться такой реальности. Вот я и решила не быть трусихой и плаксой. Подумаешь – замуж не позвал. Сегодня не позвали – завтра позовут! Сейчас есть более важные задачи! Так что я, не подавая вида и не показывая своих истинных чувств, лишь робко уточнила:

– А насчет – учиться? Ты ничего такого не думал? Нам же нужно какую-то профессию получить, поступить куда-то, учиться? Или как?

– Ой, нафига нам институты? Только время тратить. Лучше сразу идти бабки зарабатывать. А там видно будет. Москва – это же столица, там всё круче, и люди там крутые. И мы такими станем, представляешь, Вероничка?! – он радостно и уверенно засмеялся и с видом собственника, который имеет на меня все права, притянул меня к себе, обнял и начал целовать, убеждая соглашаться и доказывая, что вдвоем нам будет легче пробиться в Москве, тем более за жилье там платить не нужно. Экономия!

Он был настолько убедителен и сам верил в то, о чем гово-

рит, что я лишь вздохнула ему в ответ, безропотно принимая его предложение ехать с ним в Москву. Ехать, чтобы просто… тупо работать. А вовсе не учиться чему-то, как думала я раньше. Знаете, как-то это было грустно осознавать….

И знаете, что самое удивительное? Ведь Москва – она же тоже была моей мечтой, но после такого странного предложения Сергея (взамен предложения о замужестве или институте), почему-то моя давняя и тайная мечта скукожилась, и уже не волновала и не радовала меня так, как это было еще буквально несколько дней назад.

А еще, после сегодняшнего вечера впервые осталось странное ощущение, его еще называют «послевкусие» (это я в одной умной книге прочла!). И это послевкусие было как камешек в кроссовках – маленький, но раздражающий. И мне очень-очень захотелось вдруг избавиться от такой помехи, только вот каким образом, я еще не понимала. И просто отодвинула свои чувства, на время. И тогда, в тот вечер, я – такая красивая и уверенная, гордо вскинув подбородок – ни словом, ни взглядом не призналась в этом своему парню и трусливо дала свое смелое согласие – да, еду…

Я безвредная, но опасная

Не знаю, как там в других семьях ведут себя родители, когда их дети объявляют им о том, что уезжают из дому за тысячу километров, но в моей «дружной и любящей меня семье» этой новости, которую я им озвучила, похоже, были только рады. Во всяком случае, мамочка возражать не стала. Правда, так странно на меня взглянула, типа удивилась, а потом успокоилась. Спросила лишь, куда и с кем я еду, на какое время, и где собираюсь жить. И даже не поругала за то, что отказываюсь куда-то поступать учиться. Это как? ей, получается, тоже важнее было то, чтобы я просто зарабатывала деньги, прямо сейчас, а не училась где-то долгие пять лет.

Обалдеть, а я еще боялась, что мне придется ее уговаривать и упрашивать, чтобы она меня отпустила с Сергеем в Москву. Наивная….

Когда я утром, дрожа от страха, «смело» сказала маме, что уезжаю, она даже… заулыбалась. Представляете? И даже предложила свою помощь, чтобы подготовить и упаковать мои вещи. Ну, те, что понадобятся мне в далекой и чужой Москве. И сказала, что соберет мне в дорогу целый ящик овощей и фруктов. И даже сказала, что выделит мне немного денег для всяких неотложных нужд на первое время. Пока я сама не начну зарабатывать.

И еще было одно странное ощущение – мне на миг пока-

залось, что Валентин и то больше переживает о моем отъезде, чем мама, потому что глаза у него были грустными.

Я была в шоке…. Я была страшно разочарована. Я даже всплакнула от той мысли, что детство кончилось и что, оказывается, я не нужна своей любимой мамочке, совершенно. И что ей глубоко безразлично, зачем я еду в Москву и где я там буду жить и как.

Знаете, оказывается в один миг можно разочароваться во всем, во что всегда верила, а именно – в материнскую любовь.

Этот день – 25 июля 2010 года я запомнила на всю жизнь и внесла его в свой черный список памяти. В этот день меня с радостью и без всякого сожаления вытолкнули из родного гнезда и отпустили в свободный полет, одарив напоследок равнодушным заверением: «Ну, ты звони хоть время от времени, как там у тебя будут дела». И даже не предложили звонить почаще, или… просто приезжать домой, ну хоть иногда. Вот таким оказался тот волшебный пендель, который я получила от своей любящей мамы. Неужели я ей так надоела или мешала, что она даже не смогла изобразить печаль от расставания со мной? И я ощущала почти физически, насколько она довольна своим согласием на мой отъезд. И что она горда своей проявленной добротой и щедростью, словно одарила меня путевкой во взрослую жизнь…

Как ни больно мне было сознавать, но я поняла, что своим решением уехать подальше от дома я сделала свою молодую

маму счастливой. Ну что ж, дарить радость и счастье это же так приятно, а я всегда обожала дарить подарки. Правда такой «подарок» я дарила впервые….

Вот так, наверное, наивные молодые девчонки превращаются в самостоятельных девушек. Это я уже о себе…

Меня никто не провожал до районного центра, чтобы посадить в поезд и, смахивая слезинки, помахать на прощание платочком. Мне предоставили возможность самостоятельно решать свои проблемы. Ну, типа – едешь и едь, себе. Да, видимо так и становятся взрослыми – резко и ощутимо. И, хочу вам признаться, что взросление оказалось для меня весьма болезненно, но я мужественно проглотила готовые пролиться слезы и решительно настроила себя на то, что у меня все обязательно будет хорошо. Я ведь не одна, у меня же есть мой парень, который старше и умнее, и он знает лучше меня – как нам дальше жить!

Хорошо, что его семья не была такой равнодушной к нему и его отец, хоть и с хмурым выражением лица, но довез нас с Серегой на своем жигуленке до самого районного центра, до железнодорожного вокзала. Правда молчал всю дорогу, лишь вздыхал, а уже на перроне, где мы стояли в ожидании поезда, он, недовольно косясь на меня, отвел Сергея в сторону и что-то эмоционально ему говорил напоследок. Сергей тоже ему что-то отвечал и отрицательно качал головой. Они о чем-то спорили и размахивали руками, но я старалась не вмешиваться, пусть Сергей сам все решает, как и обе-

щал мне. Я просто терпеливо стояла в сторонке и делала вид, что меня их разговор совершенно не касается и не интересует, хотя, признаюсь вам, мне было ужасно одиноко и очень обидно чувствовать себя никому не нужной, посторонней. Хорошо, что поезд до Москвы вскоре подошел и мы, наскоро простившись с отцом, суматошно разместились в душном плацкартном вагоне и, не сговариваясь, выдохнули возникшую напряженность, посмотрели в глаза друг другу и даже улыбнулись.

Я отчаянно старалась изобразить радость. Спасибо, что хотя бы Сергей вел себя по-иному – он был и заботлив, и внимателен и всю дорогу, что мы ехали с ним в поезде, сидя на нижней полке, он обнимал меня за плечи и в самых радужных красках описывал ту нашу счастливую жизнь, которой мы с ним заживем в Москве. Вместе, вдвоем!

И знаете что? Пока я изображала радость, я вдруг и в самом деле почувствовала что рада. Да, именно рада! А чего грустить? Я ведь на пути к своей мечте, я еду в Москву! Эге-гей! Подумаешь, какие-то глупые разочарования влезли в мою голову, когда я прощалась с отчим домом. Я все грустные мысли решила оставить в прошлом, за спиной! По всем законам, если в одном месте вас послали, то в другом-то точно заждались, правда?!

И я уже без всякой грусти слушала, как мой Серега шепчет мне, о том, что я молодая, красивая и уверенная в себе. И что он меня очень-преочень любит! И я смеялась, и я

с улыбкой разглядывала проплывающие за окном просторы нашей необъятной страны. И я буквально купалась в глазах моего парня, и эти глаза лучились восхищением и любовью ко мне. Это так приятно, оказывается!

И я пыталась ему верить всю дорогу, и почти убедила себя в нашем с ним счастливом совместном будущем, когда наше трудное путешествие закончилось в подмосковном городе Видное и когда мы уставшие, измотанные и нервные втащили наконец-то наши вещи в ту квартиру, адрес которой дал Сергею его добрый сослуживец Эдик.

Квартира в обычной панельной пятиэтажке на третьем этаже оказалась вполне жилой и была бы даже уютной, если бы не тот запущенный вид, в котором она предстала перед нашими глазами, когда Сергей открыл входную дверь теми ключами, что протянула нам пожилая тетка – соседка по лестничной площадке.

Эта подозрительная женщина долго и дотошно расспрашивала нас о том, кто мы такие и действительно ли ее сосед Эдик разрешил пожить нам в его квартире. Когда мы, наконец, смогли ее убедить и доказать, что никакие мы не воры и не самозванцы, она смилостивилась и разрешила нам жить здесь. Но предупредила, что не потерпит громкой музыки и всяческого шума, какого она, оказывается, натерпелась от тех квартирантов, что жили в этой квартире, в тот год, пока Эдик проходил службу в армии. Офигеть, какой контроль! Мы заверили ее в два голоса, что будем вести себя

тише воды и ниже травы, распрощались с соседкой и, как я уже говорила, наконец-то вошли в ту квартиру, где нам предстояло жить ближайшее время.

Да, судя по ободранным обоям, которые свисали клочьями со стен единственной комнаты и по количеству пустых бутылок, что были нами обнаружены на кухонном окне и на балконе, бывшие квартиранты жили весело и не утруждали себя соблюдением чистоты и созданием уюта. Но разве это могло меня испугать? Я ведь на пути к своей мечте! Я – в городе Видное, а это всего в получасе езды на электричке от Москвы! Так что, не откладывая и, как говорится – засучив рукава и связав волосы резинкой в узел, чтобы не мешали – я принялась за дело – мыть, чистить и избавляться от чужого мусора.

Я старалась спокойно отнестись к тому, что видели мои глаза в этой квартире и не взрываться от разочарований. Я ведь не вредина и не лентяйка, и не избалованная мамина дочка. Я абсолютно приспособленная ко всяким трудностям хуторская девчонка. Я безвредная и без комплексов величия – убеждала я саму себя, ползая на четвереньках по всем комнатам, отмывая пол.

Сергей, глядя на мой энтузиазм, перестал вслух материть и Эдика, и его безалаберность. Он тоже включил в себе трудолюбивого хозяйственного парня и старался помогать мне, чтобы поскорее навести порядок в «нашей» комнате. Вдвоем дело продвигалось быстрее и к вечеру мы привели в бо-

лее-менее приличный вид единственную комнату и отмыли кухню с ванной.

Наскоро перекусив теми продуктами, что оставались у нас из собранных родителями в дорогу, мы без задних лап увалились спать на старенький диван, без всяких поцелуев и жарких обнимашек. Устали мы в тот день не по-детски! И первую ночь на этом самом месте спали без всяких снов, словно два умотавшихся сурка.

То, что я оказалась именно в Москве, я поверила только на следующий день.

Наша жизнь в Москве началась! Как же я об этом мечтала! Ух! И я, прыгая от нетерпения, веселясь и замирая в предвкушении, уговорила Сережку ехать знакомиться со своей мечтой – мне страсть как захотелось своими собственными глазами увидеть всё-превсё!

И Красную площадь с ее брусчаткой, и Кремль, и Спасскую башню с часами, и Собор Василия Блаженного и ГУМ и даже мавзолей – ну всё о чем я слышала или читала! «Пока сама это не увижу – не поверю, что я в Москве», – убеждала я Серегу, повиснув у него на шее, и он сдался!

И мы как два счастливых влюбленных, на следующий день отправились в путешествие из города Видного в Москву. Разумеется, мы выглядели несколько растерянными и, спустившись в метро, пугливо озирались по сторонам, но спрашивать у прохожих, куда нам двигаться, совершенно не стес-

нялись и нам доходчиво объясняли – и в какую сторону идти, и на какой станции метро выходить. Ведь мы в Москве, представляете?!

Москва меня не разочаровала! Все люди в столице казались мне необычайно добрыми, отзывчивыми, красивыми, современными и успешными.

Москва меня вдохновила и зарядила позитивом и детской верой в чудесную и красивую будущую жизнь, которая случится со мной если не сегодня, то завтра, ну, или, буквально – скоро!

Ах, как же здорово мы с Сережкой проводили время в Москве! Где мы только с ним не побывали! Мне казалось, что в этом городе даже воздух другой и пахнет иначе – вкусно!

Мы обошли, казалось, все значимые места в центре и умилялись всему, что видели, даже табличкам с названием улиц и переулков (один только Кривоколенный переулок чего стоил, ну и название!). Мы даже катались на кораблике по реке! Мы даже купили билеты на дневную экскурсию по Москве, и с удовольствием, вместе с такими же любознательными гостями столицы, рассматривали из окон нашего автобуса высокие и низкие дома, музеи и театры, памятники старины и вообще всё, что нам предлагали посмотреть. И слушали рассказы гида о Москве, и ахали от восторга, и улыбались друг другу, и постоянно целовались, совершенно не стесняясь окружавших нас чужих людей.

Я казалась себе такой красивой и счастливой. И днем и ночью! Я, наверное, даже во сне улыбалась, настолько мне нравилось все, что со мной происходит! А как я любила Сергея, ммм…. до умопомрачения (сумасшедшие ночи любви тому свидетельство)! Сергей в огромном универмаге даже купил мне новое платье, представляете?! И мой любимый парень был таким заботливым, внимательным, веселым – самым-самым! Нас с Сережкой переполняла радость, новизна чувств и та вера, что вот она – наша мечта, совсем рядышком. Можно рукой потрогать!

У меня было такое ощущение внутри собственной головы, что я словно на машине времени переместилась из своего скромного кубанского поселка в другой мир, в другую яркую жизнь. Мне всего-всего хотелось попробовать – и побывать в театре на балете или спектакле, и выпить кофе в этих маленьких уютных кофейнях, да хоть прямо на улице слопать хот-дог или вкуснейшее эскимо в шоколаде! Понимаете – в эту окружающую реальность огромного города хотелось окунуться с головой – и такая жизнь мне была по вкусу, уж можете поверить!

Незаметно в радостной суматохе пролетела первая неделя. Началась вторая, которую мы посвятили поиску работы. И эти дни показались мне уже не такими радостными, как мои первые дни знакомства с Москвой.

Мы с Сергеем целеустремленно искали приличную работу, но это оказалось не так-то просто. Мы переворошили

и перечитали горы бесплатных и платных газет с объявлениями о работе, но когда звонили по объявлениям, почти везде натыкались на отказ – то требовалась прописка, то спрашивали документ об образовании (разумеется, одного лишь школьного аттестата оказалось недостаточно), то просили какие-то рекомендательные письма. Ну, не знаю, может быть в уборщицы меня и взяли бы, но по таким объявлениям я пока не звонила – как-то такая работа в мою мечту о Москве ну совершенно не вписывалась.

Я робко попыталась заикнуться Сереже о том, что «может, все-таки попытаемся сначала научиться чему-то, получим какую-нибудь специальность, а уж потом будем работать с утра до утра», но он почему-то страшно разозлился. Нет, мы с ним тогда не поругались, вы не думайте, что он злой у меня. Нет, он хороший парень, но видимо не может мириться с тем, когда с ним спорят. И я намотала себе на ус (ой, не на ус, конечно, откуда у меня усы, это я так – образно!) и старалась без необходимости больше не спорить с Сергеем. Он мужчина и он лучше знает, что и как нам делать. Жаль, только пока не получалось так, как он задумал – хорошо оплачиваемую работу мы по-прежнему не могли отыскать.

Да, честно говоря, такая реальность немного напрягала и я даже всплакнула один раз, тайком, в ванной, пока Сережка не видел. Чуть-чуть совсем поревела, но разозлилась на себя за свою слабость ужасно и дала себе слово – больше не ныть,

а улыбаться всем неприятностям назло. И представьте – улыбалась! И ждала, и верила, что все у нас получится, скоро. И однажды лед всё же тронулся! Ой, чего это я летом и вдруг лед вспомнила?! Наверное, от нервозности.

Серега вернулся домой вечером, часов в одиннадцать и с порога громко заявил мне:

– Ну, все, Вероничка, можешь меня поздравить, я нашел работу! Завтра приступаю!

– Ух, ты, здорово! – бросилась я ему на шею. – А куда?

А он подхватил меня и прижал к себе, смеясь и целуя, а затем отстранил и гордо произнес:

– Теперь деньги покатят! Я буду работать в баре «Спутник», у метро. Вторым барменом в кафе, прикинь! – и он весело рассмеялся.

– Но ты ведь никогда не работал в баре, Сереж, – со страхом и сомнением, испуганно пролепетала я.

– Ой, не смеши – что я водку в рюмку налить не смогу?! Да на раз! – пренебрежительно хмыкнул он. – Ну, а коктейли меня мой напарник научит делать. Там не это главное, а чтобы клиент был доволен. А ты ж меня знаешь – я поговорить с каждым по душам смогу. Мне и хозяин наш так сказал, – хвастливо выдал он. А потом поцеловал меня в нос и сменил тему: – Короче, это не твоя проблема. Там я сам все решу. Ты главное давай сама шустри и думай, ищи, чем будешь заниматься. А то уже третья неделя пошла, как ты впустую в Москву катаешь. Одни расходы.

У меня от обиды даже слезы на глазах неожиданно навернулись. Опять, блин, ныть собралась. Серега как их увидел, так сначала сморщился, а затем начал успокаивать:

– Ну, чего ты, малыш? Не переживай, найдешь что-то обязательно, не парься. Ты главное понаглее будь и тогда все срастется, поняла? – он пальцем смахнул мои слезы и повернулся к столу: – А чем ты меня сегодня покормишь? Я в этом баре только чипсы ел да кофе пил. Голодный, как волк! – И он по-хозяйски, уверенно опустился на табурет, подсаживаясь к столу, в ожидании глядя на меня.

Я вздохнула и решила отложить всю свою хандру в сторону. «Чего я, в самом деле? Парень голодный пришел, а я тут со слезами. Трепетная и ранимая».

И я завертелась юлой между столом и плитой – поставила перед Сергеем тарелку, положила в нее жареной картошки с грибами и пару сосисок – я купила сегодня в соседнем магазине шампиньоны и вот приготовила для нас очередной шедевр на ужин и, улыбаясь, уже приготовилась принимать похвалу, но…. Сергей скривился и спросил:

– А что, мяса нету?

– Ой, прости, не успела купить. Я с электрички сразу в квартиру поехала, не заезжала в супермаркет. Завтра, ладно? – я не заметила, как начала почему-то заискивать и оправдываться, словно в чем-то была виновата.

Причем знаете, что самое удивительное? Я буквально почувствовала свою вину! Впервые! Я – и виновата перед сво-

им парнем?… Очень неприятное, скажу я вам, ощущение. Очень. Причем непонятно, с чего это я так? Ведь не ленюсь, все по дому делаю, и продукты покупаю, и готовлю. Картошку вон так вкусно пожарила…

Но Сергей, не замечая моих огорченных и виноватых глаз, снисходительно кивнул, и молча, с аппетитом принялся уминать эту самую картошку.

А у меня внезапно пропал аппетит. И голова даже вдруг разболелась. И я, тихо пролепетав ему об этом, ушла в комнату и легла на диван, укрывшись с головой. Мне почему-то захотелось уснуть первой, чтобы ни о чем больше с Сергеем сегодня не говорить. И не оправдываться. И не заводиться. Потому что если я заведусь, то это будет опасно для наших отношений – я, ведь могу наговорить ему обидных слов сгоряча. Я ведь тоже не аленький нежный цветочек, я еще тот колючий репейник! У меня и шипы имеются, скрытые. И за себя я всегда раньше умела постоять. Но сейчас…. нет.

Зачем нам ссориться? Мы ведь только-только начали жить вместе, почти как семья. Нужно уступать порой, вздыхая, думала я, почему-то вспоминая о том, как всегда и во всем уступала моя мама своему мужу Валентину. И я, попыталась успокоиться и уснуть, и… уснула.

Я стеснительная, но бесстыжая

Представьте себе стеснительного, скромного, тихого, неуверенного человека. Представили? Так вот, это – не Я! Я – девушка, которая сейчас находилась в состоянии крайней степени разочарования и одновременно надежды и радости. Странное сочетание несочетаний, но что поделать – в этом я вся – «от печали до радости – всего лишь дыхание», как пел Юрий Антонов, мамин любимый певец.

На следующий день Сергей спал дольше обычного и даже на мой вопрос – поедет ли он со мной в Москву, буркнул – что на работе ему нужно быть к вечеру, так что я могу ехать без него, а он хочет отоспаться, впрок.

И я, решительно надев сегодня вместо джинсов, свое новое платье – длинное, ниже колен, которое закрывало мои ноги (как этого всегда требовала моя мама), вздохнула и отправилась на станцию одна.

И сидя затем в переполненной электричке, все полчаса пути до Павелецкого вокзала думала о том, что совсем иначе я представляла жизнь в городе моей мечты – в Москве. Потому что, глядя сегодня на этих сонных, равнодушных людей, которые сидели вместе со мной в одном вагоне, я понимала, что что-то в моей мечте пошло не так. Ну, просто сбой какой-то в программе, не иначе. Опасный сбой. И нужно срочно все исправлять, менять свое отношение к происходяще-

му. Или само происходящее со мной. И если я сегодня ничего не придумаю, то мне просто придется уезжать из Москвы, чтобы не разочароваться окончательно. И возвращаться обратно домой, в свой поселок, к маме. А этого мне делать категорически не хотелось. Категорически!

Красиво словечко звучит, правда? – «категорически»! Признаюсь вам, что мне очень понравилось это слово, которое я, как-то сидя в метро, услышала в разговоре от одной элегантной дамы, и теперь я его постоянно использовала, даже мысленно.

Я вообще любопытная и любознательная, мне очень нравилось наблюдать за разными приятными и уверенными в себе людьми. Рассматривать их – кто как одет, как и что говорит. Я не подслушивала, вы не думайте! Я у них училась…. Мне просто хотелось стать такой же, как они – уверенной, красивой, умной, городской – настоящей москвичкой! Я также грамотно хотела произносить умные слова, да и вообще выглядеть не дурой.

Ну и что с того, что я не учусь в институте? Это же пока, временно. Сегодня – не учусь, а завтра – буду! А вдруг мне повезет, и я когда-нибудь смогу это сделать и поступлю куда-то? Мне ведь только восемнадцать, вся жизнь впереди! Да и моя любимая Москва не сразу ведь строилась, так что всё в моих руках, главное не опускать эти самые руки. И я обязательно стану счастливой, вот увидите!

И я отчаянно верила, что обязательно стану!

Зарядив себя уверенностью и оптимизмом, я наобум вышла на очередной станции метро, специально пересела на ветку подальше от кольцевой линии, поднялась на эскалаторе на выход из подземки и бодро зашагала по улице, наугад.

Подумаешь, работу я никак не могу найти! Ну, да – не хотят брать на работу без прописки и без образования, ну и что? Вчера не брали, а сегодня возьмут!

Лично у меня всегда так – после плохого обязательно случается что-то хорошее! Правда, после этого хорошего, тоже порой бывает ужасно плохо, но я старалась на этой моей жизненной синусоиде не зацикливаться и верила в то, что если одни двери закрываются, то другие-то могут и открыться, правда?!

И я не стеснялась открывать встречающиеся мне на пути двери магазинов, кафе и офисов и интересоваться – не нужны ли им работники? А получив очередной отказ, не паниковала и гордо шла к другим дверям.

Когда мои часы в телефоне показали, что уже скоро вечер, а я так и не услышала волшебного слова «да» на мои вопросы о работе, то оптимизма у меня поубавилось. Так поубавилось, что даже мои ноги почему-то задрожали, и я присела на лавочку, словно старушка древняя. Ну, это видимо от усталости – я ведь целый день провела на ногах, да и не ела ничего (одно мороженое не в счет). А может это я ослабела от жалости к самой себе? Потому что, если по правде, то мне

ужасно стыдно было возвращаться обратно в нашу квартиру и выглядеть неудачницей в глазах Сереги. Признаюсь честно – мне вчера ужасно не понравилось мое странное ощущение вины за невкусный ужин (хотя чем он был невкусный – непонятно), а сейчас я опять испытала похожее ощущение – я чувствовала себя виноватой – бездельницей, безработной. С обидной приставкой «без», без всего хорошего. Обидно, хоть плачь….

Но, я опять вспомнила, что Москва слезам не верит, и не позволила этим слезам пролиться, хотя мои глаза уже предательски заблестели, я даже носом шмыгнула, но мысленно выругалась: «Эй, эй! Девчонка! Перестань сейчас же!», и заставила себя улыбнуться. И я, в самом деле, улыбнулась! Сначала криво, а потом, все увереннее. И по сторонам весело посмотрела, и вдруг… встретилась со взглядом незнакомой девушки.

Эта девушка, с короткой стрижкой, в вязаном белом берете на голове, одетая в дешевенькие джинсы и простенькую бесформенную майку, с кучей фенечек на руке, зажимая в кулачке блокнот, стояла невдалеке, и растерянно вертела головой по сторонам. Она явно что-то или кого-то искала. А когда девчушка заметила, что я на нее смотрю, то тут же подошла ко мне и спросила:

– Ты не знаешь где тут улица Весенняя?

И знаете что самое удивительное? Ведь только что, буквально минуты назад я как раз свернула с такой улицы в этот

сквер, где присела на лавку. И, разумеется, я знала – где находится улица Весенняя. О чем и сказала этой девушке и даже рукой показала направление. А она благодарно закивала и радостно ответила:

– Ой, спасибо большое! А то я что-то запуталась в этом районе. Я ведь не москвичка, вот приходится спрашивать у всех. Вам, москвичам эти улицы, наверное, с детства знакомы. А мы, приезжие – блуждаем, как в лесу.

– Да я тоже не москвичка, – покачала я головой в ответ, и улыбнулась, – просто память у меня хорошая, и наблюдательность. Вот и запомнила случайно эту улицу.

– Ну, надо же? А я подумала, что ты местная. Ты такая уверенная! – она оглядела меня и кивнула головой, а потом добавила: – И в платье красивом. И улыбаешься. Приезжие редко улыбаются, – она усмехнулась и присела рядом со мной на лавочку. – Да, память это здорово. У меня с этим не очень. Да еще и географический кретинизм присутствует, – она вздохнула и пояснила: – а в моей работе это очень мешает.

– И кем ты работаешь? – заинтересовалась я, невольно легко переходя на «ты» с этой простой и непосредственной девушкой.

– Да риелтором, – она махнула рукой.

– Прости, а в чем суть? – спросила я, плохо представляя себе, чем занимаются эти самые риелторы.

– Ну, моя обязанность заключается в том, чтобы найти

продавца или покупателя квартиры. Кто-то хочет купить, а кто-то – продать. Обычное дело! – она усмехнулась. – Ну и я помогаю им заключить такую сделку, – девушка важно добавила: – А за это риелтор получает вознаграждение.

– Круто, – выдохнула я с восхищением.

– Ага, круто. Весь день на ногах, как гончая. Капец! К вечеру устаю, как …. Ой, даже не знаю с каким зверем сравнить! – она рассмеялась и, окинув меня любопытным взглядом, спросила:

– А ты где работаешь?

– Да нигде пока, работу вот ищу.

– Что, правда? Прям вот так – просто ходишь и ищешь?! Ну и как, нашла?

– _Не-а… пожала я плечами. Не берут без прописки. Только в уборщики, но это уж как-то слишком…. Унизительно.

Мне вдруг так захотелось пожаловаться, рассказать этой незнакомой отзывчивой девушке о своих переживаниях и проблемах, что я не заметила, как выдала ей все – и о том, как мечтала оказаться в Москве, о том, что думала, как сразу же этот город примет меня с распростертыми объятиями. А оказалось, что, в самом деле, приезжие здесь никому не нужны. И еще рассказала о том, что перед своим парнем стыдно, за то, что никак работу не найду. Даже «домой», в Видное возвращаться не хочется.

В общем, поделилась с этой незнакомкой, и вы знаете, ста-

ло легче! Словно тяжелый мешок со спины скинула. Ну, надо же, как бывает!

Во время моей исповеди эта девушка очень внимательно меня слушала, жуя жевательную резинку. А затем, задумчиво на меня посмотрела и говорит:

– А хочешь, давай на пару работать. Будем вместе по адресам ездить, квартиры искать и клиентам предлагать. У меня прописка есть, временная. Я у тетки в Мытищах прописалась. Это она меня на работу в риэлторскую контору устроила, по знакомству. Но мне эта работа трудно дается, потому что в нашем агентстве никто особо не прогибается, каждый сам по себе и не учит ничему, прикинь? Конкуренция, блин. Я одна уже извелась от страха. А вдвоем же не так страшно, правда? – она, видя, что я заинтересовалась, добавила: – Я тебе буду платить из своих заработков немного. А потом, может тебе понравится такая работа, и ты тоже прописку найдешь или временную регистрацию и оформишься на постоянку? Ну как?

И что мне оставалось? Да, конечно же, я согласилась. Ну и что? Подумаешь, без оформления пока поработаю, а там видно будет. Главное с чего-то начать. И я согласно кивнула и сказала:

– А ты знаешь, давай попробуем! Меня Вероникой зовут, а тебя?

– Красивое имя! А у меня простое – Лиза, – вздохнула она, но тут же улыбнулась и, выплюнув в сторону жвачку,

протянула руку мне навстречу, со словами: – по рукам?

Мы с серьезным выражением лиц пожали руки, скрепляя наш уговор, а потом, прыснули смехом от комичности ситуации. А Лиза, посмотрев на свой телефон, тут же заспешила и потянула меня с лавочки:

– Ну что, пойдем, поможешь разыскать мне нужный адрес, и в квартиру вместе зайдем, я тебя по ходу дела в курс дел введу. Будешь в теме! Научу, тому, что сама уже умею. Ты пока помалкивай, в разговор не вступай. В общем, присматривайся, поняла?

Я согласно кивнула и отправилась со своей наставницей Лизой осваивать новую работу, которую мне подсунула моя судьба. Ну что ж, посмотрим, что из всего этого получится. Отказаться я ведь всегда смогу, а там видно будет.

Так я и стала основной и единственной помощницей младшего риелтора небольшой московской фирмы, специализирующейся по операциям с недвижимостью. Сначала тайной помощницей (ну почти как «тайный агент», ой не могу!), а потом Лиза меня рассекретила и познакомила с ее руководителем Станиславом, который оказался молодым, уверенным, модно одетым парнем (никогда бы не подумала что он – и руководитель!). И этот Стас, сначала удивился моему такому альтруизму – работать и обучаться почти задаром (за счет Лизиных доходов), но потом, усмехнувшись и покачав головой, благосклонно разрешил мне помогать «моему

партнеру».

«Ну что ж, побудь пока внештатником. А там поглядим, как ты себя проявишь. Может, и оформим тебя в виде резерва», – снисходительно заявил он мне в заключение нашей беседы, и я выдохнула свой страх и стала работать в паре с Лизой, почти официально!

И время понеслось вперед! Мы с моей наставницей Лизаветой, которую я сразу же для себя назвала «Лизун» (ну такая она потешная девчушка оказалась, и все время что-нибудь жевала – то жвачку, то чупа-чупс!), как два агента по недвижимости летали и носились по всей Москве, осматривая те квартиры, которые предлагались к продаже. Лиза довольно доходчиво поясняла мне суть своей работы, и вскоре мне более-менее стало понятно – чем же занимаются эти люди с профессией риелтор. И, представляете, мне даже понравилось такая работа! Все время в движении, поиске, круто! И с Москвой знакомлюсь вот таким вот образом!

А еще, мне ужасно нравилась сама Лизун! Настоящий хипстер, не такая, как все, со своей индивидуальностью и непохожестью на других девушек, которых я знала.

С ней некогда было скучать! Да просто невозможно! Казалось, что ей все на свете интересно, но больше всего ей нравилось что-то особенное.

Она любила смотреть необычные черно-белые старые фильмы и в свободное время постоянно тянула меня с собой на их просмотр. Она, в свои девятнадцать, одевалась не как

взрослая городская девушка, а скорее как великовозрастный подросток-хиппи. И не стеснялась признаваться, что большую часть одежды покупает в секонд-хенде. Она обожала носить на руках уйму фенечек и браслетов, и представьте, часть из них смастерила своими собственными руками! Даже в одежде предпочитала хэндмейд. Она не выпендривалась ни перед кем, просто она так себя видела, именно вот такой!

И еще она обожала джаз! Честно говоря, такая музыка меня не очень привлекала, но понемногу я начала ее для себя открывать. И некоторые композиции мне со временем тоже понравились и стали понятны, но не сразу – это понимание придет ко мне потом, позже.

А пока я наслаждалась тем, что моя новая подруга была особенной, словно экзотический цветок из дикой чащи, случайно оказавшийся в огромном каменном мегаполисе. А меня (если вы помните), необычные цветы и букеты из них всегда привлекали! Вот и Лизун стала мне близка и понятна своей неординарностью (кстати, вот еще одно красивое слово, которое я встретила в рекламном буклете элитного жилья и добавила в словарь-копилку для себя!).

Лиза и не стремилась ни на кого быть похожей. Да, была порой резковата, несдержанна на язык и употребляла массу хиповых и сленговых словечек, но зато была искренней, честной и доброй. И еще участливой. И понимающей. А такие качества в людях я очень ценила, потому что и сама ощущала себя именно такой. И еще эта неунывающая Лиза за-

менила мне мою домашнюю подружку Люську, которой мне ужасно не хватало в Москве в первое время.

Кстати, Лизун в отличие от Люськи, с уважением и пониманием выслушивала мои восторженные речи обо всех тех цветах, что встречались нам на улицах Москвы. Она даже сказала, что придет время, когда я заработаю уйму денег и построю себе свою собственную оранжерею с диковинными цветами. И стану среди них главной феей цветов. Ну, настоящая фантазерка! Я понимала, что это несбыточные мечты, но слушать ее предсказания мне было приятно.

Общаясь с веселым Лизуном, мне казалось, что мне и самой жить стало веселее. И я всего за какой-то месяц работы столько узнала от неё! О-го-го! Оказывается, каких только ситуаций не возникает в работе риелтора. Каких только подводных камней не напрятано на пути к завершению сделки по купле-продаже недвижимости.

Стас, наш руководитель порой любил поучать нас, работников агентства. Раз в месяц он назначал нам планерку, на которой с умным видом говорил:

– Несмотря на мнение, что работа риелтора простая и справиться с ней может каждый, следует учитывать, что для такой деятельности необходимо обладать рядом личных качеств – вы должны быть активными, легкими на подъем, коммуникабельными, тактичными, уметь прислушиваться к запросам клиента. Иными словами – нацеленными на результат – ваш заработок напрямую зависит от достижения

поставленной вами цели…

И бла-бла, и все в таком ключе. В общем, умничал парень, изображал из себя крутого босса. Хотя, нужно признаться (по словам Лизы), сделки он проворачивал круто и, несмотря на свой молодой возраст, в самом деле, зарабатывал прилично. К чему и нас призывал.

И я понимала, что чем больше у меня будет этих самых сделок, тем больше я заработаю. И да, меня привлекал гибкий график работы, без всяких условных «с девяти до восемнадцати». Ты можешь работать хоть двадцать четыре часа в сутки, хоть час. Лишь бы был результат. А еще привлекала динамичность работы (вы заметили – у меня появилось новое слово «динамичность»!), то есть я в один день могла провести несколько встреч с клиентами или побывать на нескольких объектах недвижимости, сделать десятки звонков. Я должна была быть в курсе всех новостей и изменениях в сфере недвижимости. Чем не школа жизни?! В общем, скучать было некогда. И мне это ужасно нравилось! Хотя…

Да, признаюсь честно, были и нюансы. В процессе работы приходилось сталкиваться с разными людьми и далеко не все они оказывались приятными. И тут уж приходилось сдерживать себя, чтобы не нахамить в ответ, а с улыбкой на лице вести умные переговоры. Стас называл такую выдержку работника агентства «стрессоустойчивость» и хвалил нас, если мы справлялись с трудными клиентами и поворачивали

сделку в свою пользу.

Ну что еще сказать? Трудности меня не пугали, тем более что трудились-то мы вдвоем с Лизуном, плечо к плечу, голова к голове! Мне в какой-то момент даже интересно стало – а как я смогу справиться с той или иной ситуацией, если начну работать самостоятельно? А то, что я стану классным риелтором, в этом я уже не сомневалась. Ну…, или… почти не сомневалась.

И я даже Серегу смогла в этом убедить и старалась не обращать внимания на его бурчание и недовольство по поводу моих незначительных заработков. Этим меня уже было не обидеть. Я с каждым днем чувствовала себя уверенней.

Я так увлеклась всем тем, что приходилось видеть и слышать, чему училась рядом с Лизуном, что о себе, о своем самочувствии и настроении даже не задумывалась, пока сама жизнь не заставила меня подумать и вспомнить о себе любимой.

Ну, тут, наверное, нужно по порядку, чтобы вам стало понятнее, что же именно произошло дальше в моей несчастной жизни.

Очень смелая, но трусливая

Помните такую фразу о том, что не пьет шампанского тот, кто не умеет идти на риск? И не сказать бы что мне так уж сильно хотелось бы выпить этого шампанского (я вообще, честно говоря, со спиртными напитками не очень-то дружила), но вот то, что быть в поиске, рисковать, чувствовать ритм жизни, быть в теме (как говорила Лизун) – это мне очень нравилось! И вознаграждение за удачную сделку прибавляло жизненного тонуса в виде пузырьков радости в душе. Ну как будто я именно шампанского и выпила!

В делах и заботах незаметно пролетел месяц, а за ним второй. На календаре значился октябрь. Москва уже успела и жарой насладиться, и дождем умыться, и не поленилась надеть осенний наряд из красных, желтых и коричневых листьев. Красиво! Лизунчик даже выкрасила оранжевым цветом свою челку, в знак солидарности с окружающей действительностью!

Мы с подругой тоже не ленились, можно даже сказать, почти не ели, не пили, а старались носиться по всей Москве – и по самым ее отдаленным старым районам, и по вновь возводимым новостройкам. Мы поставили перед собой цель – доказать всем-превсем, что мы можем, что справляемся. Ну и заработать хотелось, чего там скрывать.

Я уже почти не боялась вести переговоры с покупателями

и даже смогла пару раз уговорить продавцов – хозяев квартир, снизить цену на свою жилплощадь, найдя и указав им на самые уязвимые места в их квартирах. Моя наставница так хохотала потом, когда рассказывала мне о том, как я выглядела со стороны, беседуя и убеждая хозяина квартиры:

– Ой, не могу, Вероничка! Ну, ты прям как заправский риелтор – серьезная, невозмутимая, дотошная! И слова нужные нашла и тон снисходительный выбрала, типа если цену не снизят, то ни за что не продать им их такую каморку убогую. И ведь уговорила! А квартирка-то вполне себе за приличные деньги потом продалась. Улёт! И в итоге – мы с тобой в прибыли! У тебя талант продавца! Давай и дальше так, будь в теме, жги, мой смелый агент по движению и продвижению всей недвижимости Москвы!

Я и жгла, забыв о сне и отдыхе, и постоянно прокручивала в уме – что и как сказать клиентам при очередной сделке, как выглядеть, чтобы казаться старше и умнее и расположить к себе незнакомых людей. Я даже хотела себе очки с простыми стеклами купить, для солидности. Ну да, я нервничала, я порой трусила, я уставала, но результат-то был виден и это радовало. Жаль вот только, что с Сергеем мы почти перестали общаться. Вот так, тесно – как раньше.

Ну, судите сами, о каком общении могла идти речь, если рано утром я летела на электричке в Москву на встречу с Лизой, и уже там, мы летали с ней вдвоем, в любую погоду и в любом направлении, с утра до ночи. И так почти каж-

дый день. А в свою пустую квартиру в Видное я вваливалась поздно вечером, не чувствуя «задних лап», быстро принимала душ, что-то перекусывала из того, что сама же успевала купить по дороге к дому, что-то готовила для нас на завтра, и засыпала. Одна. Потому что мой парень в это время только приступал к своей работе в баре. А домой он возвращался порой под утро.

Так конечно было не всегда, иногда его смены по графику приходились на дневное время и тогда мы, заранее договариваясь, встречались вечером, пораньше, и шли бродить по Москве, держась за руки. Или просто, наскоро что-то приготовив, устраивали романтический ужин в нашей квартире. С вином, и поцелуями, и обнимашками, и… ну и со всем остальным. Как мы любили друг друга в эти наши редкие свидания! Мм…. Я чувствовала себя самой счастливой!

Но такие наши встречи, к сожалению, становились все реже, потому что Сережка, точно трудоголик, почти поселился в своем баре. Он и говорил только о нем – о напитках, о закусках, о ценах, о богатеньких мальчиках и девочках – мажорах – кто, в чем одет, кто что сказал, сколько дал чаевых. Он был счастлив тем, что видит вокруг себя в этом баре и был доволен своей работой. Так странно, но мне почему-то его рассказы были совсем неинтересны и скучны.

Я просто отчаянно скучала по своему парню (я его любила, да!), но старалась мыслить по-взрослому и не обижаться на него и на его занятость. Сама ведь тоже не гуляла,

а работала (правда мои доходы были еще незначительными, но ведь были!). Я понимала, что такая наша жизнь лишь на время, вот заработаем какую-то сумму, и уж потом! Что потом, я не совсем ясно представляла, но все равно убеждала себя потерпеть.

Я бы и дальше терпела, сколько нужно, если бы однажды днем, сидя с Лизуном в переполненном автобусе и направляясь в Люберцы для осмотра очередной квартиры, у меня вдруг не закружилась бы голова и не затошнило. Мне стало так плохо, что подруге пришлось требовать у водителя немедленно остановить этот автобус. И я, вылетев из него, без сил дотащила свое тело до какого-то дома и там стояла, держась за стену и качаясь.

Ощущение было таким же точно, как в детстве, когда я перекаталась на карусели. Меня тогда так же мутило, я помню. Неприятные детские воспоминания нахлынули неожиданно, и сейчас я ухватилась за них, как за спасательную соломинку, и пыталась считать, что меня укачало в дороге, и я сказала об этом подружке, и попросила её немного постоять со мной, подождать, пока голова и тошнота не пройдут. Хотя сама психовала так, что даже коленки тряслись. А все потому, что в голову начали лезть самые мрачные предположения о том, что моя сегодняшняя тошнота не на ровном месте появилась. Но я старалась не показать свой страх, я даже попыталась улыбнуться подруге, чтобы как-то успокоить ее (или себя), но онан почему-то не улыбнулась мне в ответ.

Она, нахмурив брови и закусив губу, лишь молчала, стояла рядом и держала меня за руку. А потом спросила:

– И часто это у тебя так? Чтоб укачивало в автобусах?

– Не-а, не часто, – просипела я ей с закрытыми глазами. – Сегодня впервые. Это, наверное, от усталости, да? – я открыла глаза и взглянула на подругу, надеясь услышать от нее слова поддержки.

Нам же всем хочется, чтобы в несладкую ситуацию кто-то непременно нас ободрил, ну там – обнял, по голове погладил и заверил, что все трудности – это фигня и ерунда, правда? Лично мне в моей жизни всегда не хватало таких слов поддержки. Маме порой было вовсе не до меня – свои царапины на коленках и на душе я с детства лечила самостоятельно. И обнимала она меня редко. А подружка Люська хоть и сочувствовала, когда я ей жаловалась на что-то, но мне почему-то казалось, что она меня не совсем понимает. Вот я и привыкла все свои проблемы носить в себе, не выплескивать их на поверхность. А сейчас, глядя на Лизу, мне так вдруг захотелось, чтобы она меня, элементарно, выслушала, пожалела. Ну, прям, до слез. Эти самые слезы у меня и навернулись на глазах. И вы представляете, подруга вдруг притянула меня к себе и… обняла, и зашептала мне в ухо, что все разрулится и непременно станет хорошо. Как же это, оказывается, приятно, когда так говорят. Сразу начинаешь верить в это самое «хорошо». Даже тошнить перестало! Вот что значит, когда понимающий друг рядом!

Мы немного так с ней постояли, обнявшись и ни на кого не обращая внимания, а потом Лиза отстранилась и осторожно потянула меня на остановку, там усадила на лавку и велела ждать. А сама помчалась к ближайшему магазинчику, купила там две бутылочки минералки без газа, и мы с ней сидя на этой лавке, медленно пили холодную приятную воду. Она даже заставила меня умыться этой водой. От такой ее заботы, моя голова перестала кружиться, и я смело заявила ей:

– Всё, я в порядке и готова продолжать нашу поездку.

Но Лиза отрицательно покачала головой и вынула из кармана небольшой бумажный пакет и протянула его мне.

– Что это? – удивленно спросила я, пытаясь прочесть то, что было написано на этой упаковке.

– Там в магазине киоск аптечный был, ну я и купила на всякий случай. Это тест, на беременность, – ответила она и виновато вздохнула. – Это для тебя.

– А зачем он мне? – спросила я, притворяясь дурой, а сама уже знала ответ. Поняла для чего. И так мне от этого понимания стало страшно, до мурашек.

Я слышала от подруг, читала в журналах, ну и в кино видела, как молодые девушки, используя такой тест, выясняют – беременны ли они? Но никогда не думала, что мне когда-нибудь и самой придется проводить такой анализ. Я в ужасе округлила глаза, закусила губу и уставилась на подругу. А она, откинув с лица свою косую рыжую челку, взяла мою руку и, глядя мне прямо в глаза, сказала:

– Знаешь, самое страшное, это неизвестность. Вот когда не знаешь, что тебя ждет или что предстоит там, впереди – это незнание всегда пугает. Ну, лично мне так кажется. А когда ты стоишь перед уже свершившимся фактом, когда все уже случилось, пусть и самое ужасное, стремное, и ты все о нем знаешь, то тебе конечно тоже страшно, но уже не так пугающе. Твой мозг начинает искать выход и как ни странно, всегда находит. Главное – не прятать голову в песок, от страха. А действовать.

Я впервые видела Лизунчика такой серьезной. Она даже говорила сейчас совсем не так, как обычно – она почти не использовала сленговые словечки, не шутила, а произносила слова как взрослая, умудренная жизнью, женщина. И это меня удивило, конечно, но одновременно заставило поверить в то, что, действительно – чего себя накручивать на неизвестности? – вот он тест, в пакетике и нужно просто проверить, прояснить ситуацию. Может мои страхи, в самом деле, окажутся напрасными. И я решительно кивнула головой, соглашаясь с подругой.

Мы одновременно встали с лавки, огляделись по сторонам и, заметив неподалеку от остановки вывеску кафе, направились к нему, с надеждой, что там-то точно должна быть туалетная комната, ну а дальше вы понимаете, что я должна буду в ней сделать.

Пока подружка заказывала для нас по чашке кофе, я попросила у девушки-официантки пластиковый стаканчик,

чтобы попить воды и отправилась в дамскую комнату.

Через несколько минут я уже сидела за столиком напротив Лизы и глупо улыбалась. Причем не просто улыбалась – у меня из глаз катились слезы, губы кривились, пытаясь изобразить улыбку, сердце стучало, как сумасшедшее, а рука судорожно сжимала маленький кусочек картона, на котором ясно и четко проступил результат моего, проведенного, только что анализа – пресловутые две полоски…. Две.

У меня одновременно в голове выплясывали джигу две эмоции – горе и радость! А как мне нужно было реагировать на такую новость, скажите, пожалуйста?! Ну да, неожиданная беременность, ранняя, нежданная, но… ведь первая же! Первая в жизни! Ух, как же это осознать мне в мои восемнадцать и не сойти с ума?! А как воспримет новость Сергей? Обрадуется или…. И что вообще нам теперь делать? Ой, мамочки…

Помните, я как-то вам рассказывала, что после окончания школы приняла решение всегда и во всем слушаться своего парня. Это же так приятно, что кто-то берет на себя ответственность и принимает решения за тебя, правда?! Вот и сейчас мне ужасно захотелось, чтобы такое решение – что делать и как нам жить дальше – приняли за меня. Он взрослый и умный, он мужчина, в конце концов! Что я парюсь? Сейчас вернусь в квартиру, расскажу ему о том, что со мной случилось, и он придумает выход!

Закончив на сегодня все дальнейшие дела, мы распро-

щались с Лизой. Она отправилась на осмотр квартиры, а я, окрыленная предвкушением, помчалась домой в Видное, к своему любимому умному мужчине.

И, конечно же, Сергей, как мужчина, выход придумал. Свой выход из ситуации. Именно таким он, оказывается, видел решение нашей проблемы.

Выслушав мои сбивчивые признания и объяснения, которые я, блестя глазами и улыбаясь во весь рот, выдала ему с порога, он почему-то… растерялся. А затем быстро взял себя в руки, обнял меня, усадил на диван рядом с собой и произнес:

– Ну, малыш, зачем нам какие-то дети? Они нам сейчас только помешают. Вот встанем на ноги, а потом уже и о детях подумаем.

Вот это да. Ну, нифига себе. Я даже оторопела тогда от таких слов, а от изумления даже поперхнулась воздухом и воскликнула:

– Но это же наш ребенок, первый. Сереж, как ты можешь так говорить?

– А разве я не прав? Как ты себе представляешь нашу дальнейшую жизнь втроем? Где мы будем жить? В коммуналке с общей кухней? С кучей соседей и их тараканов? А на какие средства ты, вообще собираешься потом сидеть с ребенком, оставшись без работы? А это ведь вопрос не одного дня? А дети же еще и болеют. Нет, Вероника, я не готов пока быть отцом.

– А что же ты раньше так не говорил, когда спал со мной? Ты разве не знал, что от этого бывают дети? – возмущенно спросила я.

– Ну, знаешь, ты тоже не тундра дремучая, сама должна была предусмотреть все последствия. Чего ты от меня теперь хочешь?

Чего я хочу? Как же мне стало обидно от таких обвинений. А я еще рассчитывала, что он обрадуется, а оказывается…. Это очень страшно, очень, когда надежды не сбываются. И я от страха икнула и… разревелась, причитая:

– Ты меня не любишь совсем, да? Я не нужна тебе, да? Раз так настойчиво предлагаешь мне избавиться от ребенка?

– Вот дуреха! – воскликнул он, улыбаясь и поглаживая меня по спине. – Люблю, конечно, просто сейчас не время. Ты молодая, здоровая, у тебя еще будут дети. А сейчас рано еще, мы не готовы. Оба. Ну, подумай, хорошенько.

Он говорил, гладил, прижимал к себе, а я ревела и скулила. Я жалела себя, жалела того ребенка, который еще даже и не ребенок вовсе, жалела разбившуюся вдребезги мечту о семье. Мне было ужасно и отвратительно чувствовать свою беспомощность, и я отказывалась верить в то, что услышала, только что, от своего любимого парня. Да, не такого решения я от него ждала. Совсем не такого. Я задыхалась в его объятиях, я отталкивала его, я не знала, что мне делать дальше и что ему ответить.

Сколько мы так просидели, не знаю, но он разжал руки,

поднялся, походил по комнате, а потом потянул меня за руку, увел на кухню, усадил за стол, налил стакан воды и присел передо мной. Помолчал, повздыхал. И неожиданно, я услышала, как он, словно нехотя, произносит:

– Ну, хорошо, если ты так хочешь этого ребенка, то рожай, конечно…

Я выдохнула и вдохнула. Вот это да! Я оказывается, совершенно не дышала только что, и вот я снова дышу! Я живая! Супер! Йо-хо! Сережка принял решение! И я мгновенно перестала плакать и подняла свою голову, и взглянула на него с благодарностью, и хотела уже подпрыгнуть и обнять его, но…., моя радость оказалась преждевременной, потому что он, не меняя тона, как, ни в чем не бывало, продолжил говорить:

– Только тогда тебе нужно будет вернуться домой, к маме.

– Что? – не поверив тому, что слышу, изумилась я.

– Ну а что тебя так удивляет? Ты и в самом деле, еще малыш и ничего не понимаешь в жизни, – он покачал головой, словно я и впрямь неразумное дитя и добавил, убеждая: – Мама же поможет с ребенком в первое время, пеленки, распашонки, то сё, – он протянул руку над столом и погладил мою дрожащую ладонь. Он даже улыбнулся мне.

Кошмар какой-то. Какие могут быть улыбки, когда он такие вещи говорит?! Я отказывалась верить тому, что слышала. Мне хотелось зажать уши двумя руками, спрятаться от всех проблем, но так ведь и в самом деле только трусли-

вые малыши поступают, а не взрослые беременные девушки. А я не малыш! И я, собрав силы, задала тот вопрос, который меня сейчас волновал больше всего:

– А ты? Ты поедешь со мной, назад, домой, в наш поселок?

– Ну конечно! Обязательно, – кивнул он, – но только позже. Я пока в Москве останусь. Сейчас самый разгар заработков, Новый год скоро, надо будет подсуетиться в баре.

– А как же я там одна буду?

– Ну, мы же не навсегда расстаемся. Я буду тебе звонить. Да и не одна же ты там будешь, а с мамой. Ну, в общем, я тебе предлагаю, а ты думай, выбирай тот вариант, который тебе больше нравится. И всё, давай не будем больше об этом, давай уже спать, что ли? И так всю ночь с тобой проговорили, утро скоро, а мне завтра рано вставать.

Сказав все это, он потянулся, поцеловал меня в щеку, а потом поднялся с табурета, зевнул и отправился в комнату. Спать.

Ужасно хотелось опять плакать. Но я стиснула зубы и сжала руки в кулачки – ну, сколько можно реветь? Хватит. Принимай реальность, Вероничка, ту, которая есть. Но, блин, такую реальность принимать не хотелось, категорически. А еще у меня было такое ощущение, что меня сталкивают с узкой тропинки в какое-то непроходимое болото. А я, ломая ногти, отчаянно цепляюсь руками за края твердой земли, чтобы не упасть, не сломиться. Боже мой, если бы вы

только знали, как мне стало страшно.

Я как робот зашла в ванную, умылась, переоделась в майку и поплелась в комнату, из которой уже доносилось размеренное сопение. Серега спал, совершенно не беспокоясь и не волнуясь о том, как там я. Ну а чего ему было волноваться – свое решение он же принял, вот и спит теперь с чистой совестью. Мужик! Капец….

Я осторожно прилегла рядом с ним, отодвинувшись на самый краешек дивана. Мне почему-то совершенно не хотелось касаться его тела. Я бы тоже хотела уснуть, как он, чтобы не думать ни о чем, ведь сон, как известно, лучшее лекарство от всех проблем, но… не смогла. Мрачные картины того, что меня ждет там – впереди, не давали мне сомкнуть глаз до самого утра. И мысли одна чернее другой сплетали в моей голове липкую паутину страха.

Да…. Вот такого решения от своего любимого парня я совершенно не ожидала. Нифига себе. Это он так мне посоветовал, называется? Отошел в сторону и предоставил мне самой выбирать из того, что и выбором-то назвать нельзя. Выходит, не нужен ему наш ребенок, совсем, раз он вот так с легкостью принял свое решение, и все стрелки перевел на меня. А я? А мне что теперь делать? Может и я ему не нужна? И зачем тогда было затевать нашу поездку в Москву. И как быть с мечтой о Москве и вообще, о том, что мы с Серегой будем вместе? Бред какой-то.

Провертевшись, весь остаток ночи без сна и под утро, сде-

лав вид, что сплю, чтобы не общаться с Сергеем, когда он проснулся, я дождалась его ухода из квартиры и лишь тогда заставила себя подняться с дивана. Но, ни сил, ни желаний двигаться не было, от слова совсем. И я просто сидела, укутавшись в одеяло и глядя в одну точку на обоях, но, не понимая – что я там такого интересного вижу. Я и саму себя словно со стороны видела, а в это время в моей голове кто-то спорил и убеждал меня в бесперспективности всех моих светлых планов по поводу будущего ребенка.

Куда не поверни – я везде в проигрыше. Если оставлю ребенка и уеду обратно домой к маме – то Сергей меня может вовсе вычеркнуть из своей жизни и никогда не приехать из Москвы, чтобы забрать меня к себе обратно. Мы ведь с ним не муж и жена. И я останусь одна. А там – дома? Буду ли я нужна своей мамочке, с ребенком в придачу – это еще вопрос.… Она у меня такая, что может и вовсе не разрешить домой приезжать, чтобы не позорить ее. Она ведь всегда в первую очередь о себе думает. А если рожать ребенка в Москве, то где, в самом деле, нам с ним жить? И на что?

Так ни до чего не додумавшись, я в отчаянии позвонила Лизе. А она, лишь только услышав мой голос, всё и сразу поняла и приказала не ныть, а еще велела мне пойти и заварить себе чай и сидеть ждать ее. Потому что тут же пообещала приехать ко мне, в город Видное, прямо сейчас. Вот так. Спасибо тебе, Лизунчик.

Вы думаете это так легко вспоминать то, что произошло после нашей с ней встречи и после нашего разговора?

Я попытаюсь рассказать покороче, без тех своих лопнувших розовых пузырей надежды и скажу лишь, что в этот день мною было пролито целое море слез и мною же, самостоятельно и почти добровольно, было принято ужасное трусливое решение – сейчас не время заводить детей.

Самое удивительное, что Лизун ничего мне не советовала, она лишь терпеливо слушала весь тот бред, что я ей несла, когда со слезами доказывала что это единственный выход. Она и кивала, и соглашалась, и заваривала мне очередную чашку чаю. А я пила этот чай, не ощущая вкуса, утирала слезы и убеждала подругу (а если честно, то скорее саму себя), что я еще очень молодая, несамостоятельная, и что без Сереги я не смогу, и что ребенок сейчас «ну никак». Вот никак и всё. Кошмар…, неужели я так тогда говорила? С трудом верится, но видимо мой мозг тогда категорически не включался. Да какой там мозг? Это, так называемое, серое вещество вовсе отсутствовало тогда в моей глупой голове, раз я решилась все-таки на такой шаг.

Словно со стороны я видела, как мы с подругой отправились в женскую консультацию, здесь же, в Видном. Как там Лизун о чем-то шепталась с молоденькой девушкой из регистратуры, и как потом подвела меня к кабинету врача, и буквально передала с рук на руки пожилой женщине – врачу в белом халате, мимоходом опуская той в карман небольшой

конверт. Да, я что-то лепетала этому доктору, поясняя свою ситуацию, что-то, не поднимая своей головы, отвечала на ее заданные вопросы, а потом, когда меня осмотрели на кресле, и вопросы вдруг прекратились, я взглянула на врача и сквозь слезы увидела полный сочувствия взгляд. Женский, мудрый, понимающий взгляд. Она, ни слова не говоря, лишь вздыхая, выписала мне направление на сдачу анализов и на прерывание беременности. Зажав эти бумажки в руке, я вышла из кабинета и подумала: «Вот и всё. Обратного пути нет». Первый шаг мною сделан, казалось, что уже можно немного выдохнуть и уверенно двигаться дальше, но тут мои глаза наткнулись на стенд, висевший на стене. На этом небольшом плакате был изображен толстощекий улыбающийся малыш, а ниже шли слова: «Остановись, пусть он увидит солнце, услышит шум весеннего дождя…» Мамочка дорогая, вот это был удар, под дых ….

Если бы не Лиза, со мной бы точно случилась истерика, и я не знаю что и как бы было со мной дальше, но подруга все поняла и не отходила от меня, ни на шаг, весь остаток вечера. Мы с ней, уйдя подальше от жилых домов, долго бродили по городским дорожкам меж высоких деревьев. И разговаривали о будущем.

Подруга меня не осуждала, и не ругала с дурацкими бабскими причитаниями, и не лезла с умными советами – она просто была рядом. Лизун, словно рассказывала сказку о том, как у нас всё вскоре сложится хорошо и чудесно,

как мы обретем самостоятельность и самодостаточность, как у нас сформируются счастливые семьи с детьми, собаками, кошками, птичками и прочими прелестями. Она не умолкала ни на секунду, она не убеждала, она – отвлекала, успокаивала. И я, в самом деле, немного успокоилась и приняла свое нынешнее положение как помеху всей моей будущей распрекрасной жизни.

Знаете, что я поняла уже тогда, в мои восемнадцать? То, что выдуманный нами мир часто бывает спасением от сложной и неприятной реальности жизни.

Ах, как же мы обманываемся! Ну что ж, все мы ошибаемся и не только в восемнадцать…. И как бы ни была я глупа, я понимала, что, к сожалению, я такая не одна, которая стоит перед выбором – куда и как? И многие девчонки смело выбирают реальность и рожают, и мужественно сражаются с трудностями, а я, выходит, сдалась. Но, настроив себя на тот придуманный мир, который ждет меня в будущем, я уже более уверенно подумала о том, что лучшее где-то там, впереди, а сейчас… ну а сейчас есть просто досадное недоразумение, которое мне самой же и придется разрулить.

Вот такие – глупые необдуманные решения принимаются молодыми, растерянными, неуверенными в себе восемнадцатилетними трусливыми дурочками.

Я холодная, но очень жгучая

То, что нельзя изменить – давно пора забыть, считают умные взрослые люди. Вот только научите меня, как это сделать – забыть? У меня плохо получалось.

Шло время. День за днем, месяц за месяцем. Незаметно закончились все зимние праздники – Новый год, Рождество, Крещение, даже 14 февраля позади. Мы пережили эти безрадостные для меня праздники. Мы почти пережили холодную московскую зиму, и мой организм уже робко настраивал свои антенны на весну, которая вот-вот должна была наступить. Пока, правда всего лишь по календарю, но и это было здорово.

Мое самочувствие понемногу налаживалось и тянущие боли в животе почти не беспокоили, и я перестала пить таблетки и прислушиваться к своим ощущениям внутри себя. Я похудела, но это не радовало, потому что старые джинсы на мне начали болтаться, а новые покупать не было желания. Вообще все желания куда-то испарились.

Я хотела забыть все, что случилось со мной в октябре. И тот день 24 октября я занесла в список черных дней моей жизни. Я думала, что умерла в тот день, но как видите – живу. Хотя что-то, наверное, во мне все-таки умерло, исчезло, испарилось, улетело и покинуло – навсегда. Но в силу своей неразумной толстокожести я этого тогда еще не пони-

мала и всеми силами стремилась жить дальше, и не казнить себя за свой поступок. Может со временем, и вычеркну его из своей памяти, но пока я помнила, хотя и старалась забыть.

Я старалась, я очень старалась, честное слово! И даже не плакала ночами, когда просыпалась от собственного крика после приснившегося жуткого кошмара. Я ведь не нытик, и не маленькая девочка, я взрослая. Да, именно так я начала себя представлять (Лизун еще говорила, что нужно говорить вот так – «позиционировать») после всех событий, что произошли в моей жизни. Да, я – взрослая. Хотелось, конечно, еще бы добавить – «самостоятельная», ну как раньше я думала о себе, но пока такое слово в моей голове никак не определялось, и я себя как самостоятельную именно не позиционировала, категорически.

Да, я снова начала улыбаться, и даже шутить, и смеяться, но знаете, что-то надломилось во мне. Об этом никто не знал и даже Сергей не догадывался. Хотя, по-моему, Лиза догадалась и поняла меня, но никогда не говорила со мной об этом своем понимании, жалела, наверное. Лизун – девушка тактичная, хоть и взбалмошная бывает порой. Но она не умеет притворяться или лгать, она настоящая, и она проявила себя как мой самый-самый надежный и лучший друг.

Мы с ней никогда не вспоминали и не говорили о моей неудачной беременности и о моем трусливом парне. Мы – нет, но я – да. И вспоминала и думала – постоянно. И от этих своих горьких мыслей даже к Сереге стала относиться иначе,

не так как прошлым летом, после его возвращения со службы в армии. Я охладела к нему. В моей душе поселилось разочарование. Мне даже стало казаться, что я стала меньше его любить, но… может мне это и показалось, не знаю. Просто почему-то я перестала спешить домой, и с радостью возвращаться в нашу квартиру, как раньше.

А вот с Лизуном и с ее друзьями хипстерами я с удовольствием ходила в кино на старые французские фильмы, или ехала посетить очередной новомодный подвал, чтобы послушать джаз, который исполняли никому не известные музыканты. С подругой я чувствовала себя свободно и раскованно, а с Серегой.… Почему-то с ним я чувствовала себя словно чужой, ненужной, бесполезной (очень неприятное слово, не собираюсь брать его себе в копилку). Странное такое напряжное ощущение, непривычное.

Сергей уже не смотрел на меня с восхищением и заботой во взгляде, так как смотрел раньше. И наши с ним свидания, прогулки, обнимашки и ночи любви стали редкими. Почему-то нам стало неуютно находиться рядом друг с другом. Он очень изменился (или это я изменилась?). Почему-то он все чаще стал злиться и придираться по пустякам. Мы ссорились из-за всякой ерунды. И я уже не была той терпеливой и всепрощающей девочкой, какой была в самые первые дни нашей с ним совместной жизни. Я тоже находила нужные колкие слова в ответ, чем, наверное, злила Серегу еще больше. Я понимала это, но не могла себя удержать. А еще

он постоянно напоминал мне о том, что нам нужно экономить свои расходы, потому что мы с ним пока накопили мало денег, а скоро ведь вернется Эдик и закончится тот срок, что он нам разрешил пожить в его квартире. И нам придется съезжать на другую съемную квартиру, за которую уже нужно будет платить своими деньгами.

Деньги, деньги…. Все его разговоры были только о них.

Никто не спорит, когда есть деньги это хорошо, но откуда тогда взялась такая странная жадность в характере моего парня? Он мне даже ни одного цветочка не купил в подарок за эти полгода. Ну ладно, жалко ему было на букет деньги свои тратить, но хотя бы маленькое растение в горшочке мог купить? Живой подарок, общий, для дома. Я ведь ему говорила, что люблю цветы. Но, нет, не догадался. И продукты он перестал домой покупать, мне приходилось из своих денег тратить, из тех, что мне Лизун вручала после наших с ней удачных сделок. Но это я так, к слову. А вот подарков никаких и никогда Серега мне не дарил. Даже чашку для чая я себе сама купила. Ну и ладно.

И чего это я разворчалась, как старушка? Зато чашку я классную нашла – желтую, с забавной веселой птичкой на боку. Когда я пила чай из этой кружки, то птичка мне всегда словно подмаргивала и поднимала настроение!

И знаете, что еще было странным в наших с Сергеем отношениях? – я стеснялась попросить у него разрешения что-то купить для себя, из одежды. А без спросу брать деньги

из нашей общей копилки я не могла. И даже из тех денег, что выслала мне мама в подарок к Новому году, я ничего себе не купила – а гордо глядя на Серегу, положила мамин перевод в нашу банку-копилку. Сергей тогда одобрительно покивал мне и похвалил за это, и даже обнял и поцеловал. Но мне почему-то стало еще обиднее от его похвал. Мне так хотелось подарков, и праздника, и внимания к себе, как к девушке, а не как к свинье-копилке. Ужасное сравнение мне пришло тогда в голову. Меня даже затошнило от такого видения – я толстая и некрасивая свинка Вероничка. Бр-рр…. Нет и нет! И я постаралась поскорее вытолкнуть такие сравнения из своей головы.

Я справлюсь, я потерплю. Скоро все наладится, обязательно, я знаю! Сегодня мы копим, а завтра будем тратить! Просто копить – это неинтересно и скучно. Ведь еще в глубокой древности умные финикийцы придумали деньги именно для покупок и расчетов, а для чего же еще?!

Хотя если честно, то Серегины навязчивые идеи о накопительстве вселили и в мою голову волнения и переживания о том, что пора всерьез задуматься о заработках.

Интересно, сколько я буду таскаться хвостом за Лизуном? Она добрая душа, отзывчивая, жалеет меня и пытается помочь во всем, но ведь не может же она вечно делиться со мной своим доходом от сделок. Ну и что с того, что я ей помогаю – и с адресами, и в общении с покупателями-продавцами? Она и сама могла бы справиться, потому что моя

подружка умела ловить настроение и наловчилась отменно вести переговоры, хотя неординарный внешний вид Лизуна – с ее прядями розового цвета в волосах и её одеждой, словно вынутой из бабушкиного сундука – зачастую не внушал доверия клиентам. Я нередко замечала их косые взгляды, направленные на подругу, которую такие мелочи, как мнения окружающих, никогда не смущали и не мешали ее профессионализму. Лизун была умной и не выпячивала свои знания и умения просто так, на публику. А еще она была доброй и никогда не жадничала, ни в чем. И прибыль от купли продажи мы с ней уже давно делили пополам, но все равно, это же ее сделки и доход тоже должен принадлежать только ей, весь, целиком. Она-то никогда мне не говорит об этом, но я ведь не глупая тундра, я все понимаю, и я уже и сама многое умею, а, следовательно, нам нужно начинать работать отдельно. Да, видимо мне пора что-то решать с регистрацией, чтобы оформляться в агентстве, уже официально. Тем более что и Стас вполне благосклонно ко мне относится, недавно похвалил на собрании при всех и пообещал мне место риелтора у себя в фирме. Как вам моя такая малюсенькая победа?!

Вот примерно такие мысли поселились в моей голове и каждый день напоминали и требовали от меня принятия решений. Но я никак не могла придумать – где раздобыть эту недоступную московскую регистрацию, чтобы начать зарабатывать самостоятельно. Я очень сильно этого хотела, и да-

же отправляла посыл во вселенную:

– Вселенная, миленькая, ну сделай, пожалуйста, так, чтобы я смогла сама зарабатывать! – шептала я, вглядываясь в звездное небо над головой, когда поздними вечерами уставшая возвращалась в свою квартиру. И терпеливо ждала обратную связь от всемогущей вселенной.

Но видимо не вполне четко сформулировала свое желание, потому что вселенная попыталась, конечно, мне помочь и исполнить то, о чем я просила, но как-то, на мой взгляд, однобоко, не совсем так и не совсем то, о чем я мечтала.

Ладно, попытаюсь рассказать вам более подробно, чтобы и вам стало понятнее.

Однажды утром, выходя из подъезда и направляясь на электричку, чтобы, как обычно, ехать в Москву, я столкнулась с соседом, Максом. Этот молодой парень жил в нашем доме, и по утрам мы с ним постоянно сталкивались и кивали друг другу, как знакомые. Макс всегда улыбался мне при встрече, и даже пару раз довозил меня до станции. Он работал водителем на Газели, занимался перевозкой разных грузов и, так же как и я, частенько отправлялся в Москву – работать. И именно сегодня наши маршруты совпали, и он предложил довезти меня из Видного до ближайшей станции метро в Москве. «Повезло!» – обрадовалась я и, не раздумывая, забралась к нему в кабину и мы с ним почти всю дорогу весело проболтали о всякой ерунде. Незаметно

тема нашего разговора переместилась на мою работу риелтора и Макс неожиданно меня спросил:

– Вероничка, а скажи, пожалуйста, ты могла бы по своим каналам узнать одну вещь для меня?

– Ну, смотря, что тебя интересует, – важно ответила я ему, улыбаясь и напуская таинственности.

– Да у меня сестра живет на Юго-западе, в однушке, с маленьким ребенком, с дочкой. Живет одна, без мужа. И вот совсем недавно познакомилась с нормальным парнем, и прикинь, он тоже в том же районе живет, неподалеку. И тоже в однокомнатной квартире. Мужик хороший, с серьезными намерениями и дочку сеструхину любит. Короче, они решили пожениться и съехаться, поменять свои квартиры на одну двухкомнатную, но как это сделать быстро и безболезненно, не знают. Ни у нее нет возможности с ребенком по адресам в поиске мотаться, ни у него – он на работе чуть не сутками крутится, на будущую семейную жизнь зарабатывает. Не подскажешь, что в таких случаях нужно делать?

– Так пусть в любую риэлторскую службу обратятся, им там подберут варианты с обменом, и все дела, – уверенно ответила я, хотя при названии «Юго-Запад» в моей голове что-то щелкнуло, какая-то напоминалка, вот только я еще не поняла какая именно и решила подумать об этом позже.

– Да, понятно, что надо, – продолжал жаловаться Макс. – К риелторам они пока не обращались, это ж дорого, – он вздохнул и пояснил: – там племяшка сейчас болеет, сест-

ра на лекарства много тратит, так что, сама понимаешь, не до расходов.

– Ну, да, услуги платные, – кивнула я. И тут же решила как-то поддержать Макса и пообещала: – Знаешь что, я сегодня или завтра посмотрю в наших базах, может быть, увижу какие-то варианты, попробую вам помочь. Давай, диктуй данные с адресами твоей сестры и ее будущего мужа, я запишу.

– Что, правда? Ну, круто, Вероничка! Вот было б классно, если б ты помогла. А мы тебя отблагодарим, всей семьей, ты не думай.

– Ой, да брось ты, – отмахнулась я от такого предложения. – Я же еще ничего не сделала. Как найду что-нибудь, позвоню.

Макс весело мне покивал, мы обменялись с ним телефонами, еще немного поболтали, посмеялись и распрощались у станции метро Коломенская. Я спустилась в подземку, села в вагон и пока ехала на встречу с Лизой, все думала об этом районе на Юго-западе. А когда уже поднималась на эскалаторе на выход, то вспомнила!

Я вам, наверное, уже говорила, что в Москве я с легкостью знакомилась с совершенно незнакомыми людьми (или это они со мной знакомились, не знаю!). Может причина была в моей любознательности и открытости, а может, все дело было в моем внешнем виде? Прикиньте, я вдруг полюбила платья и с удовольствием их носила! (Представляю, как бы

удивилась моя мамочка, узнай она об этом!) У меня их было целых три – недорогих, простеньких, но удобных и я чувствовала себя в них вполне уверенно. И выглядела, как говорила Лизун, на удивление женственно и привлекательно. Но это я отвлеклась, вернемся к моим воспоминаниям.

Буквально, месяц назад, здесь, в метро на Новокузнецкой, я, абсолютно случайно познакомилась и разговорилась с одной взрослой серьезной девушкой Соней – на тему неформальной молодежи и их внешности. И она тогда, доверительно рассказывала мне, что страсть как хочет разменяться со своей младшей сестрой, чтобы жить с ней порознь. Что сестра достала ее своей безалаберностью и пофигизмом, своими выходками и взглядом на жизнь. Вот только на поиски вариантов обмена родительской жилплощади на две однушки – времени у нее нет совершенно. А квартира у этих девушек была как раз на Юго-западе. Соня тогда еще говорила, что хочет так разменяться, чтобы жить с сестрой в одном районе, поблизости, чтобы не оставлять ее без контроля, потому что родителей их уже нет в живых и она, как старшая, несет за сестру ответственность.

Не знаю, откуда во мне взялось столько прыти и уверенности, что та случайная короткая встреча с незнакомой девушкой из метро это как раз тот вариант, что мне нужен. Я совершенно не знала – кто она, эта Соня и где точно она живет. Но за время работы риелтором во мне укоренилась привычка – записывать в свой блокнот любую информацию

о квартирах. Любую! И я, конечно же, записала тогда и название района, и название улицы, и даже номер дома. На всякий случай. А вдруг это как раз и есть тот самый случай?! Совершенно неожиданно в памяти всплыло название ее района – Академический. Но я все еще сомневалась, а потом решила рискнуть. Позвонила Лизуну, попросила ее не ждать меня сегодня на работу, обещала, что расскажу ей обо всем позже и рванула по адресу указанному Максом.

Риелтора, как волка, ноги кормят, поэтому я на своих собственных ногах и пыталась заработать себе на пропитание. И не буду вас томить – у меня все получилось, представляете?!

Да, не сразу и не в один день, но все срослось именно так, как было удобнее всем – и сестре Макса – Вике, и ее будущему мужу Виктору, и Соне с ее сестрой Светкой. Оказалось, что все четыре квартиры располагались в одном и том же замечательном районе Академическом! И пусть их дома находились и не совсем по соседству, но все-таки довольно близко друг от друга, так что с переездом проблем не было, тем более Макс взялся помочь всем – с перевозкой мебели и вещей.

Не буду нагружать вас подробностями о том, как я моталась по району, осматривая дома, разыскивая Сонину квартиру и прикидывая все варианты. И о том, как потом вместе с моими потенциальными «тайными клиентами» мы осматривали предложенный мною вариант к обмену. Скажу лишь,

что в результате – Вика и Виктор переехали в квартиру двух сестричек, а Соня со Светой – разъехались по однокомнатным квартирам Вики и Вити. И правоустанавливающие документы на новую собственность для всех четверых мною были оформлены в кратчайшие сроки! И мои первые клиенты даже вручили мне вознаграждение за мою работу. Пусть и не в той сумме, которую я бы получила в том случае, если бы официально оформляла договора купли-продажи через агентство, а намного меньше, но это были заработанные лично мною деньги. И главное – все остались довольны. Супер операция! Кто молодец? Я молодец!

Если бы вы только видели, как хохотала и прыгала от восторга моя Лизун, когда я рассказала ей обо всем. И она ни капельки не притворялась, она искренне была рада и горда за меня. Ну, еще бы, ведь я ее ученица!

Эй, Мир! Вот она – я! Твой новый предприимчивый и неунывающий риелтор! – именно так мне хотелось кричать всем вокруг. И разумеется, в первую очередь – Сергею!

Я стеснительная, но бесстыжая

Я не стала ждать вечера, я в середине дня сорвалась из Москвы в Видное. Я летела в нашу с Серегой квартиру как на крыльях! Меня переполняла радость. Она вдохновляла! Она придавала сил и ускоряла мои движения. Ля-ля, траляля – вот так мне хотелось петь! Мне хотелось поскорее попасть домой, чтобы увидеть Сергея, пока он не ушел на работу. Я даже в электричке на одном месте не могла усидеть. И во время пути, в эти полчаса дороги к городу, несколько раз порывалась вскочить со своего места. А в итоге, не выдержала, вышла все-таки в тамбур и ехала так, стоя, удерживала себя за поручень у двери и подпрыгивала от нетерпения – сейчас, да! Вот сейчас я приеду, войду в нашу квартиру и гордо посмотрю на своего парня. А потом так, небрежно расстегну сумочку и достану из нее пачку тысячных купюр!

Вуаля – мой первый реальный заработок и первый ощутимый вклад в нашу с ним мечту. Я представляла, что вот эта пачка денег, пусть хоть и маленькая и тоненькая, но она словно первый кирпичик в строительстве нашего с ним жилья в Москве. Это ли не радость, скажите?!

Я, не помня себя, и не замечая, как добралась до дома, влетела на третий этаж, нетерпеливо открыла ключом дверь квартиры и вошла внутрь. Из комнаты раздавалась тихая музыка. И я – вся такая романтичная, уже шагнула туда и при-

готовилась к обнимашкам и поцелуям моего парня, но вдруг затормозила и замерла на месте, словно окаменела. И слова, те, что собиралась произнести, категорически не захотели произноситься. Категорически….

Я просто онемела. Меня всю словно выключили. Вот так, разом, нажали на кнопку и сломали мое устройство под названием «красивая и счастливая девушка», а оставили лишь изделие с прозвищем «ужасная и несчастная баба». Отстой, полный.

Я стояла в прихожей, перед дверью в нашу единственную комнату и не могла поверить в реальность происходящего. Кто-то внутри меня приказал – «ущипни себя за руку». И я на автопилоте послушно ущипнула себя, но вокруг меня ничего не изменилось – в нашей с Серегой комнате, на нашем диване лежал мой Сергей и спал. И в этом ничего странного не было и не должно было бы меня так удивить и поразить, если бы он лежал там… один.

В том-то все и дело, что он был не один, а с какой-то чужой, незнакомой мне девицей. И она тоже спала, уютно так прижавшись к моему парню. «Нифига себе, – стучало в моей голове. – Чего это мой парень обнимает эту девчонку без всякого стыда и напряга, словно так и должно было быть?» Я даже не сразу разглядела и лишь чуть позже поняла, что на них совершенно нет одежды. Совершенно.

Вот это был облом… удар ниже пояса…. Я даже физически ощутила, как меня ударило что-то. Вы не поверите,

но мне стало очень больно, в том месте, где у людей, наверное, находится душа, так больно, что меня согнуло.

А когда я с трудом выпрямилась, то…. Знаете, мне вдруг стало так стыдно! Стыдно, что я словно вижу всё то…. Ну, то самое, что происходило сейчас, здесь, буквально перед тем, как я появилась в этой комнате. Мне стало вдруг страшно от одной мысли, что сейчас эти двое проснутся, откроют глаза и посмотрят на меня. И я предстану перед ними вот такая жалкая и растерянная…. Или обманутая…. Нет, нет.

И я на цыпочках, осторожно попятилась назад, пока спиной не ощутила входную дверь. Прижавшись к ней и немного постояв, я развернулась, тихо открыла дверь и вышла, осторожно прикрыв эту дверь за собой. Всё… радуга в моей голове превратилась в туман, и этот туман заполнил всю мою глупую и пустую голову, вытесняя из нее все мысли и все чувства. Все! Напрочь…

Как я спустилась по лестнице, вышла на улицу и увела себя куда-то в сторону сквера, подальше от этого чужого дома и от этой чужой квартиры – я не помнила. Краешком оставшейся одинокой мысли, которая еще каким-то чудом задержалась в моей голове, я отметила, что вот – теперь парня у меня больше нет. Он тоже стал чужим. Значит, сейчас я уводила себя и от этого чужого парня. Вот так в одно мгновение можно все потерять – все, о чем мечтала, все, что казалось моим. У меня больше не осталось ничего. Ни парня, который так и не стал моим настоящим мужем, ни ребенка,

который так и не родился, ни мечты о собственной квартире, ни даже вот этого временного жилья. Да у меня вообще больше ничего не было. Капец, как говорит Лизун. И что делать? Куда теперь?

Я зачем-то усадила себя на какую-то лавочку. Я долго сидела, сжавшись в комочек и обняв себя двумя руками. Я даже не ощущала холода и того, что лавочка была мокрая и все мои джинсы тоже промокли. Я растерялась или потерялась. В голове осталась лишь одна фраза, которую я повторяла, как попугай – «Не айс, не айс, не айс»…

Оказывается можно существовать и так – вроде бы живая, видишь, слышишь, но будто бы ты уже умерла – потому что ничего не чувствуешь….

Стало быстро темнеть, в сквер потянулись люди, которые выгуливали своих четвероногих друзей. Вокруг меня продолжали жить – и люди и животные. Они были нужны друг другу. Они занимались своими делами, а до меня никому не было дела, словно и нет меня. Я никому не нужна. Вот как бывает. Полный раздрай.

От обиды или от злости, но я понемногу начала приходить в себя – ну, во-первых, я почувствовала, что замерзла, мокрые джинсы липли к ногам. А во-вторых, умирать я не собиралась. Я, если вы до сих пор не поняли, вовсе не размазня и не нытик. И я уже знаю, что такое стрессоустойчивость (вот и проверю сейчас на себе). Как ни крути, а жизнь продолжается. И от того что я буду сидеть тут и тупо жалеть

себя, ничего не изменится. И я решительно приказала себе вставать и действовать.

Еле двигая затекшими и замерзшими ногами, я поплелась в сторону того дома, к той квартире, в которой прожила с Серегой почти восемь месяцев. И в ней я больше не собиралась оставаться ни секунды. Категорически! Но вернуться в нее придется, для того чтобы собрать свои вещи. И уехать. Куда – я пока не решила, главное – просто уехать из этого места, от этого чужого парня, предавшего меня и растоптавшего все мои мечты и ожидания.

Мне было страшно и неприятно возвращаться туда, откуда я только что так трусливо убежала, но я надеялась, что Сергей (трудоголик и любитель своего бара) уже покинул квартиру и его я там не увижу. Он уехал на ночную работу в Москву, и никто не помешает мне спокойно упаковать и забрать то, что принадлежит только мне. И самое главное – никто не увидит моего страха и моей растерянности. Мне почему-то отчаянно не хотелось выглядеть в глазах этих двоих так, чтобы они могли надо мной посмеяться и потом говорить обо мне, что я – никто, пустое место для них. А я не желала быть ничьим пустым местом. Нет и нет!

Я не пропащая, я справлюсь, я смогу – убеждала я себя, медленно поднимаясь по ступенькам лестницы на третий этаж. Этот путь мне давался с огромным трудом, мои ноги были тяжелыми, словно к каждой из них привязали по кирпичу.

Но все когда-то заканчивается, подошел к концу и этот подъем, и я оказалась перед дверью в квартиру. Я прижалась лбом к двери, прислушиваясь к тому, что там, внутри. Но из-за двери не доносилось, ни звука и я, повздыхав, решилась и достала ключ из кармана. А потом, уже более смело открыла дверь и вошла.

В квартире оказалось темно и тихо. Я зажгла свет и непроизвольно зажмурилась. А потом, открыла глаза и огляделась – действительно никого, я одна. Ну, хоть это радует. И знаете, что больше всего меня удивило, вернее даже будет сказать – поразило?! Это то, что в комнате было убрано, диван аккуратно заправлен, все вещи лежали точно на своих местах. Ну, надо же! Я ведь привыкла к тому, что придя домой с работы, всегда наблюдала беспорядок в квартире, потому, что Серега не утруждал себя излишними телодвижениями в плане наведения чистоты и порядка. А тут вдруг неожиданно убрал за собой. Ну, понятно – следы заметал!

Я грустно усмехнулась такому его «трудолюбию» и, развернувшись, ушла в ванную. И уже там, стащила с себя куртку, мокрые джинсы, вымыла руки и умылась. Долго стояла и рассматривала свое лицо в зеркале. Так странно, вроде бы совсем чуть-чуть времени прошло, всего какие-то несколько часов между моими визитами в эту квартиру, а я видела сейчас в зеркале отражение совершенно другой меня. Я изменилась. Вернее изменились мои глаза. Из них ушла наивная вера в мужскую любовь и верность. А поселилась обида

и непонимание – почему после всего, что было между нами еще вчера, наступило вот такое «сегодня»?

Такую себя, с глазами полными боли, я видеть не хотела. И я разозлилась и отвернулась от зеркала, затем накинула халат, чтобы согреться и вышла в прихожую. Решительно достала с антресолей свой чемодан и вернулась в комнату. Там распахнула дверки шкафа и стала снимать со своей полки свои немногочисленные вещи.

По договоренности с Серегой (который был страшным занудой и требовал, чтобы его вещи лежали отдельно от моих), полки шкафа были условно поделены между нами. Поэтому каждый из нас хранил свои вещи только на определенных местах. Я доставала с полок свои старенькие маечки и свитера и вздыхала, глядя на них – все такое изношенное, несовременное, но не выбрасывать же. А еще мне не хотелось оставлять здесь что-то из моей одежды. Мне даже страшно было представить, как он будет потом брезгливо избавляться от оставленных мною вещей. Ну, нет уж!

Мельком взглянув на нижнюю полку Сергея (не осталось ли там случайно что-то моё), я вдруг заметила что-то незнакомое, чего не видела раньше у своего парня. Я потянула эту вещь, и в моих руках оказался новенький мужской свитер, с ценником. И стоимость на этом ценнике была весьма и весьма недешевая. Я замерла от удивления – когда же этот дорогой свитер тут появился? Странно. Я присела на корточки и заглянула в глубину шкафа, разглядывая

нижние полки с Серегиными вещами. И там меня ждало новое потрясение – новые фирменные носки, мужское нижнее белье, пара футболок.

Ого! За то время, что я прожила в Видном, я не купила себе ни одной новой вещицы. Даже те деньги, что к новому году прислала мне мама, я не потратила на одежду, а вложила их в нашу общую с Сергеем копилку. Я послушно экономила, я копила деньги, я мечтала о собственной квартире. Наивная. Я не истратила на себя, на свои желания, ни копейки, кроме самого необходимого. Хотя, если честно, мне так хотелось новую курточку…. Но Серега меня тогда отговорил. Он убеждал, что это временная экономия. Он говорил: «Малыш, нужно потерпеть, давай будем стараться быть бережливыми». Я и терпела, донашивала старые вещи. А в это время, получается, мой парень жил в свое удовольствие и тратил заработанные деньги исключительно на себя? А как же тогда все его разговоры о своей, ну в смысле, нашей общей квартире, о накоплениях, об экономии. Как такое возможно? – недоумевала я.

Сплошной сумбур в мыслях.

Мне стало ужасно стыдно за свою наивность и глупость, до слез.

Больше ни о чем не думая и ничего не рассматривая в шкафу, я на автопилоте побросала остаток своих вещей в старенький чемодан, затем вышла на кухню и взяла с сушилки свою любимую чашку с забавной птичкой на боку.

А потом сняла с верхней полки шкафа жестяную банку с крупой и высыпала содержимое на стол. Среди крупы лежал пакет, куда мы с Серегой договорились складывать все, что заработали. Это была наша общая тайная копилка.

Развернув пакет, и пересчитав наличность, я удивилась и даже хмыкнула. Но почему-то совершенно не расстроилась. Видимо мой организм исчерпал лимит, отпущенный на грусть. А сердце становилось нечувствительным, словно от таких потрясений оно медленно покрывалось особо прочным бетоном. Меня уже не ранили новые подробности того, что тайно совершал Серега за моей спиной. И это понимание, что сумма в нашем тайнике оказалась вдвое меньше той, что была всего месяц назад, не добило меня и не снесло мне голову. Представьте, мне даже стало немножечко легче. Легче уйти. Впервые за вечер, я окончательно поняла, что меня разлюбили, кинули и предали и что не стоит лить слезы, тратить силы и цепляться за таких парней.

Подумаешь! Сегодня одни разлюбили и предали, а завтра – возьмут и полюбят другие! Мои глаза блестели от непролитых слез, а щеки пылали, словно от пощечин. Казалось, что у меня поднялась температура, так мне стало внезапно жарко. Жарко от стыда, от обиды, от потери и от разочарования.

И если мгновение назад я хотела, уходя, честно разделить эту нашу копилку пополам и взять себе свою часть накоплений, то сейчас я убедилась, что Серега эту работу по разделу

провернул и без моего участия – он сам, первый тайком забрал себе свою часть. И я не испытывая никаких угрызений совести, завернула остаток денег в этот пакет и забрала с собой. Маленький кусочек несбывшейся мечты о нашей обшей квартире в Москве.

Сегодняшний день, 5 марта я в очередной раз запомнила и внесла в свой черный список памяти. В список потерь, под номером «три».

В этот день я опять потеряла. И теперь уже своего парня, своего первого мужчину, моего несостоявшегося мужа, несостоявшегося отца моего нерожденного ребенка. И в очередной раз ощутила горький вкус во рту. Я читала в одной книжке, что это ощущение называется «горькое послевкусие». Вот как если бы ты съела что-то невкусное, противное и горькое. Ну, в книгах это может и выглядит интересно, а вот на деле, в реальности – как-то… знаете, не очень…. Уж очень горько.

Я оделась, оставила ключи от квартиры на полочке в прихожей, еще раз огляделась и не испытывая желания присесть на дорожку, решительно захлопнула дверь чужой квартиры. Прочь отсюда – из этого города, из этой «совместной семейной» жизни. Всё осталось в прошлом.

Я «легко» спустилась по лестнице, вышла из подъезда и направилась на станцию – я приняла решение ехать в Москву и там попытаться найти и снять квартиру на время, а там видно будет. Ныть и паниковать, по поводу того, что

в моем черном списке памяти значится уже три неприятных дня, я не собиралась. И уже сидя в полупустом вагоне вечерней электрички, я, чтобы не реветь, уговаривала и успокаивала себя:

Подумаешь – три дня! Всего три черных дня. А в году ведь их аж триста шестьдесят пять! Так что по всем законам математики хороших светлых дней впереди у меня намного больше! Вот так!

По дороге в Москву я приняла решение сегодня временно поселиться в той квартире, в районе ВДНХ, ключи от которой лежали в моей сумочке. Мне их вручил сам хозяин этой квартиры, согласно договору. На носу праздник восьмое марта, длинные выходные, и хозяину квартиры не хотелось в эти праздничные дни самому встречаться с покупателем, вот он и доверил мне, как риелтору, решение всех своих вопросов. И эта квартира сейчас стояла пустой, потенциальный покупатель обещал приехать посмотреть ее только завтра. Так что на сегодня у меня есть вариант – где переночевать, а там видно будет. Конечно, я понимала, что это мое сегодняшнее вторжение на чужую жилплощадь – ужасное и наглое нарушение всех норм и правил, но что мне оставалось делать? Куда ехать? Не на улице же ночевать. Это знаете как-то уж слишком не айс. Ладно, отложим споры и причитания до завтра. Утро вечера мудренее.

Я на автопилоте добралась до Москвы, вышла из электрички, спустилась в метро, затем сделав пересадку, доеха-

ла до ВДНХ и уже там отправилась в чужую квартиру. Мне нужна была передышка, небольшой тайм-аут. Глоток воздуха. Я ведь не рохля и не слабачка, я найду выход, обязательно. Я придумаю что-нибудь.

Ну да, сейчас в моей жизни один сплошной минус, жирный такой, длинный, нудный. Но за каждым минусом обязательно следует плюс! Пусть даже он будет малюсеньким и тощеньким, но это ведь будет нечто положительное! Ну и что с того что так складывается моя жизнь? Сегодня – потеря, но завтра найдется возможность чего-то нового, обязательно! А как иначе?

Это я так пыталась себя воодушевить, но на самом-то деле, ой мамочки, как же мне было хреновоооо….

За то непродолжительное время, что я прожила в Москве, я поняла – здесь не очень-то любят людей с какими-то их горестными проблемами. Ведь когда у одного человека что-то случается неприятное или горькое, то чисто по-человечески, другому необходимо предложить ему помощь. А именно этого в нашей необъятной столице как раз и не любят – задача утопающего – самому себя спасти, как хочешь, так и выживай, а вокруг ждут – мы, типа, посмотрим – как ты справишься. А то еще могут вместо помощи ускорить твое погружение в пучину проблем. Мне Лизун постоянно об этом напоминает и говорит, чтобы я не была такой доверчивой тундрой, это, мол, столица, а не мой дремучий поселок, где все люди были на виду, и ты знала, что ожидать от каждо-

го. А здесь столько разного народу понаехало, что коренных москвичей почти и не осталось, чуть расслабишься и жизнь тебя – цап! Ну не любит Москва слабаков! Поэтому, наверное, выгоднее делать вид, что у тебя все отлично и просто капец, как хорошо, сладко и расчудесно! И что у тебя, столько есть своего мармелада с шоколадом в жизни, что уже и девать некуда, о какой помощи может идти речь?! А как тогда жить? Притворяться все время? В стиле американского образа жизни, что ли – улыбаться через силу? Зашибись, как Лизун говорит.

Но именно так – мне, российской восемнадцатилетней девчонке видимо и придется жить, буквально после бегства из Видного в Москву и без спросу поселившись в чужой квартире – никому не жаловаться и делать вид.

Жизнь продолжала вести меня по заранее выбранному ею пути, совершенно не согласовав со мной свои планы передвижения, и мне оставалось только подчиниться. Распрямить спину, сжать зубы, спрятать слезы, надеть улыбку. Пока видимо так.

Ну, да, проведя почти всю ночь без сна на чужом диване, на следующий день я смело и уверенно встретилась с покупателем, я показала ему эту квартиру с самой лучшей стороны и даже немного цену завысила от той, что предполагалась хозяином. Чисто интуитивно мне не хотелось, чтобы сделка состоялась, ведь тогда мне бы пришлось немедленно съезжать из этого моего самовольно-приобретенного жи-

лья и временной крыши над головой. Но, как, назло и как, ни странно, покупатель не торгуясь, согласился с озвученной суммой. Он хвастливо признался, что покупает эту квартиру для своей девушки, в подарок. Везет же некоторым! Поэтому мужик не торговался, он торопился, и мы с ним договорились сразу же после праздников перейти к оформлению договора купли-продажи. И я кивала и делала вид, что полностью с ним согласна.

Моя Лиза всё еще находилась в отпуске, так что всю процедуру я должна была провести самостоятельно, получив от покупателя вознаграждение за сопровождение сделки. Но это меня совершенно не пугало – я уже поднаторела в подобных вопросах, не боялась всех этих оформительских процедур и была готова к такому повороту. Меня пугало лишь то, что через пару дней придется покинуть эту квартиру, и куда мне потом? Не хотелось как-то чувствовать себя бомжом. И как тут изобразить на своем лице довольный вид? Посоветуйте.

Думай, думай, Вероничка, у тебя есть всего два дня. И один из них, как в насмешку, международный женский день 8 марта. Обалдеть. Всех женщин на свете будут поздравлять с праздником весны, дарить им цветы и внимание, а я…. Я же проведу этот праздник в чужом городе, в чужой квартире, свернувшись калачиком на чужом диване. И ничего своего, постоянного у меня больше нет. Да даже временного и того не наблюдается. Капец, как весело…

Да, я забыла сказать – я сразу же отправила номер телефона Сергея в черный список. А потом мучилась страшно от своего поступка – а вдруг он звонил, а вдруг что-то хотел объяснить, а вдруг…. Так и тянулась рука к телефону, вернуть все на место и увидеть звонок от него. Но…. обида в итоге пересилила, и номер я не восстановила.

А еще я внезапно поняла – я ненавижу парней. Или мне это только показалось от обиды на Сергея, не знаю. Но то, что с этого самого дня я им больше не верю, никому – это, несомненно. Да пошли они все! Я и сама проживу! Думать так было больно, но что поделать со своими ощущениями и глупой ненавистью.

Одна радость – что за окнами весна. Весна – это ведь праздник жизни, ее начало, верно? Ну что ж, с праздником меня!

Часть 2.
Жизнь продолжается, особенно весной

Мария

В Москву робко просилась весна. Она – ошалевшая от собственного нетерпения, опасливо заглядывала в московские окна и подпрыгивала у дверей домов. Она попеременно – то улыбалась, маня и изредка радуя ярким солнцем, то хмурилась, поливая коротким дождиком. Весна старалась, но силенок победить зиму у нее еще было недостаточно, да и месяц март только-только начался, так что в воздухе весной еще и не пахло. И эта самая весна значилась разве что только по календарю. Хотя, чего там скрывать – у москвичей, глядя на календарь, настроение невольно улучшалось. Ну не у всех, разумеется, но у некоторых уж точно! Или у тех, кто позитивно относился к любому времени года.

К числу таких оптимистов, любящих весну, в это весеннее утро причислила себя и Мария Глебовна. Ну и что с того что ей скоро семьдесят стукнет? Подумаешь – возраст! Зато работать уже никто не заставит, пенсию платят, накопления есть, можно делать только то, что хочется самой, а не то, что

надо кому-то. Хотя справедливости ради Мария понимала, что для себя самой ничего особо делать-то и не хотелось. Да и много ли нужно одной?

Семьи у нее нет, детей нет, внуков нет. Никого. Подруги вот только есть, но и они как-то незаметно вдруг состарились и стали скучными в общении. Даже в гости редко заезжают, говорят, что лень из квартир выходить. Постепенно растворились в своих внуках, в домашних хлопотах, в болезнях. В театр не с кем сходить. Лишь по телефону в последнее время она с ними общается, уж в чем-чем, а в телефонной болтовне активность подруг не уменьшилась! А разве такие разговоры могут заменить живое общение? Обидно, но что поделаешь. Вот и приходится самой придумывать себе развлечения – то в супермаркет или торговый комплекс прогуляться, то в парк, то в хорошую погоду просто по старинным улочкам да переулкам Замоскворечья побродить, чтобы молодость вспомнить, познакомиться с интересными людьми, да улыбнуться.

Но как не изображай веселье на лице, а внутри себя радости с годами ощущается все меньше, потому как скучно одной, чего там притворяться и обманывать себя. Хотя, она по-прежнему с легкостью знакомилась и контактировала с незнакомыми людьми, и даже с некоторыми затем поддерживала приятельские отношения. Но, честно говоря, не везло ей в последние годы – всё какие-то неинтересные люди попадались.

Мария при встречах с новыми приятельницами никак не могла найти общих тем для бесед. Ну не о скидках же в Перекрестке да Пятерочке говорить. И не о болезнях. И ни о том, какая нынче стала молодежь? Этого Мария не любила. Она, лишь услышав, что кто-то в ее окружении начинает критиковать молодых девушек, тут же пресекала все эти старческие обсуждения и постепенно прекращала общаться с такими дамочками. Потому как сама ощущала в себе еще довольно много молодого задора и позитива. И молодежь ее никогда не раздражала, ничуточки. Но когда Мария пыталась убеждать своих брюзжащих ровесниц в том, что во все времена молодые люди будут отличаться от стариков, то уже не понимали ее. И сколько бы Мария не спорила с подругами о том, что благодаря прогрессу и достижениям в науке и технике, молодежь всегда опережала, и будет опережать взрослое поколение во всем. И отличаться. И по уровню развития, и по мировоззрению, и по внешнему виду (мода, хоть и повторяется с периодичностью лет в сорок, но ведь не стоит на месте, так что молоденькие девчонки всегда, во все времена будут выглядеть не так, как мы в их возрасте). Но – не находила понимания – куда там! Да, уж, поговоришь об этом – сама расстроишься.

Тогда о чем? О мужчинах? Ну, о хороших мужчинах – отчего бы и не поговорить и не помечтать, да только вот проблема – где их взять, хороших? Мария даже хмыкнула, подумав об этом – мужчин с молодой душой и трезвым взглядом

на жизнь в ее окружении становилось все меньше. Невольно вспомнился последний приятель – ее ровесник. С ним они познакомились в театре на спектакле, их места случайно оказались рядом. Они в антракте даже шампанского с ним выпили и мило побеседовали. И после спектакля немного по улочкам прогулялись.

«Всеволод», – вот так, с пафосом тогда представился этот молодящийся пижон и предложил познакомиться поближе. Почему нет? – новым знакомствам Мария всегда была рада и они с Всеволодом еще пару раз «вышли в свет» – один раз на выставку современных художников, один раз на концерт джазовой музыки. И вот там-то случился казус! Ну, тут Мария сама виновата, выбрала этот концерт, не спросив мнения мужчины, и даже билеты купила, самостоятельно, хотела порадовать нового приятеля, а взамен – нате вам – разочарование. Да этот Всеволод оказался просто «Сева»! Он продремал все два часа под энергичные джазовые композиции! Ну и фрукт, дикий и необразованный!

А когда дело дошло до знакомства «поближе» у Марии в квартире – то в самый пикантный момент у Севы прихватило спину. И тут уже было не до интимных ласк – стонал лишь он один! Мария тогда, закусив губу, растирала фастумгелем Всеволоду поясницу и еле сдерживала смех. Затем вызвала ему такси и отправила растерянного и посрамленного бедолагу домой, а сама долго еще смеялась, до слез! вспоминая их романтический вечер, и давала себе обещание, что

«больше никогда, больше ни с кем!». Как ни крути, а старость подкрадывается незаметно, ко всем без исключения и, порой, в самый неожиданный момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.